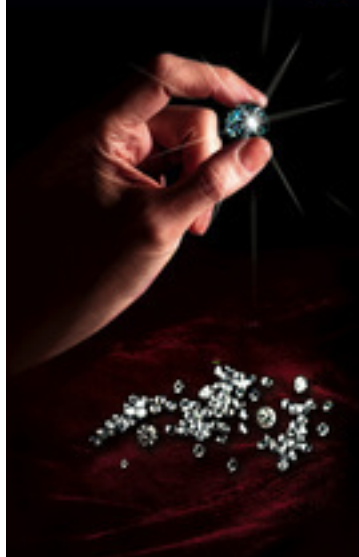

Михаил
Серегин

Алмазы Якутии

Криминальная карта России

Михаил Серегин

Алмазы Якутии

«Научная книга»

Серегин М. Г.

Алмазы Якутии / М. Г. Серегин — «Научная книга»,
— (Криминальная карта России)

Бескрайние просторы якутской тайги... На многие сотни километров – ни одного человеческого жилья. Летом – жара, гнус, зимой – жестокий мороз. Без специальных навыков и опыта здесь пропадешь. Но Егор Родионов не лыком шит. Если ему выпало охотиться за сокровищами, то он будет бороться до конца в суровых условиях, вступая в единоборство с четвероногими и двуногими хищниками. Хоть последние и вооружены автоматами «узи», ездят на джипах и летают на вертолетах. Что поделаешь? Ведь речь идет о главном богатстве Якутии – алмазах, которые будут подороже золота. За эти камешки местные бандиты готовы перегрызть друг другу глотки. Егору придется приложить все свои силы, чтобы победить...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	36
Глава 7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Михаил Серегин

Алмазы Якутии

Глава 1

Небо играло бриллиантовыми россыпями. Миллионы, миллиарды алмазов чистой воды. От самых маленьких, почти незаметных, до огромных – весом в десятки карат. Самые маленькие, собранные в созвездия, казались самыми чистыми. Они сверкали на черном бархате ночного неба, маня своим сиянием. Воздух здесь был таким прозрачным, какого Егор Родионов не видел даже в Арктике. «Наверное, этому есть какое-то объяснение», – подумал он. Но, честно говоря, сейчас ему было не до объяснений и тем более не до лирических отступлений.

Последний городской дом остался позади. Он на несколько секунд остановился, вглядываясь в морозную темень, потом решительно направился вперед. «Здесь его ждать не будут, – подумал он, – скорее всего, устроят засаду на милицейском пункте, если здесь таковой вообще имеется». Он потрогал щеку, которую еще саднило от удара кулаком, не останавливаясь наклонился, чтобы зачерпнуть пригоршню снега. Приложив снег к щеке, поморщился от резкой боли, но вскоре почувствовал облегчение.

Хорошо еще, что эти варвары его не обыскали. Он отряхнул руку от снега и, сунув ее в карман куртки, нащупал коробок спичек. Со спичками уже легче. В другом кармане лежал большой складной нож. Егор медленно набрал полную грудь морозного воздуха и резко выдохнул. Куда он, собственно, идет? Если даже все, о чем говорил Кюкюр, правда, и алмазы действительно все еще лежат там, где он их спрятал, то это еще не значит, что дело в шляпе. Он еще говорил о каком-то проклятии, его несостоявшийся тесть. Жаль дяденьку, хороший был мужик...

А что оставалось делать? Переждать несколько дней в городе? Но он никого тут не знает. А у Кюкюра дома его наверняка поджидает засада. В гостиницу тоже нельзя, похоже, у этих ребят все схвачено. Вот и получается, что путь только один – до того улуса, где живет сестра Кюкюра.

Родионов подумал об Ирине, которую успел отправить в Свердловск. Как все-таки закручено все в жизни. Хорошее переплетено с плохим, и поди разбери, что в данный момент лучше. Вечная борьба добра со злом... Для Ирины будет ударом известие о гибели отца.

– Да, – Родионов почувствовал, как снег на щеке превращается в воду и тонкой струйкой стекает по шее.

Сзади послышался шум двигателя. Метнувшись к обочине, Егор прыгнул в кювет и упал, вдавившись в шершавый снег. Милицейский «уазик» пролетел мимо на большой скорости. За «уазиком», словно привязанный, двигался черный, огромный, как вагон, «Линкольн Навигатор». «Это по мою душу, – усмехнулся Родионов, снова поднимаясь на трассу. – Видно, погналы на пост».

Красные габаритные огоньки джипа были уже далеко. Егор выбрался из кювета и решительно зашагал по обледеневшему асфальту.

* * *

До поста ГИБДД Родионов добрался минут через десять. Остановившись, поглядел на площадку перед маленькой кирпичной будкой. Из окон будки падал желтый свет и отражался от полированной туши «Линкольна». «Уазик» тоже стоял рядом, подтверждая догадку Егора.

Еще одна милицейская машина находилась немного в стороне. Пару минут он боролся с желанием незаметно подкрасться и попытаться подслушать, о чем идет речь в будке, но вскоре оставил эту идею. Если его заметят, то церемониться не будут. Да и не так трудно было догадаться, какой вопрос обсуждается за светящимися окнами. Элементарно, Ватсон.

Развернувшись на девяносто градусов, Егор сошел с трассы и двинулся в сторону небольшого лиственного леса. Не дойдя немного до него, двинулся параллельно дороге. Он не стал заходить в лес, снег там лежал более глубокий, идти было бы труднее, хотя, наверное, было бы лучше хорониться за деревьями. Снег вдоль трассы доходил до середины икры – поэтому передвигался Егор довольно легко. Обогнув пост, где его ждали, Родионов побрел дальше. Теперь неплохо было бы подцепить какое-нибудь транспортное средство. Не идти же всю ночь пешком. Впрочем, надежд на попутку почти не оставалось. С тех пор, как он покинул город, его не обогнал ни один автомобиль, не считая тех двух, что остались на посту ГИБДД.

* * *

Дорога поднималась на небольшое плато, и когда Егор добрался до самой вершины, то заметил сзади огни автомобиля. По оранжевым, горящим на крыше машины точкам он понял, что это не легковушка. Поэтому не стал прятаться, падать плашмя в кювет, а замер на обочине. Он поднял руку, когда автомобиль осветил его мощными фарами. Проехав немного вперед, груженный кругляком «КамАЗ» остановился.

Не было бы ничего странного, если бы водитель проехал мимо. Ночь. Довольно далеко от города. В такое время нормальные люди дома сидят. Но, видимо, водитель оказался не робкого десятка.

Преодолев в три прыжка отделявшее его от грузовика расстояние, Егор открыл дверцу и забрался в жарко натопленную кабину.

– Друг, подбрось, – улыбнулся он широкой обезоруживающей улыбкой.

– Далеко собрался? – Водитель, крепкий мужик с густой рыжей бородой и усами, оценивающе посмотрел на него и тронул машину с места.

– Так, родственников нужно проведать, – соврал Родионов и внутренне сжался от собственной фальши. – Ну, не совсем родственников, – добавил он.

– А по мне, хоть и родственников, – пожал плечами бородач. – Только час назад на посту меня предупредили, что сбежал преступник, убийца...

Родионов напрягся и на всякий случай положил правую руку на дверь.

– Да ты не дергайся, парень, – бородач снова зыркнул на Родионова, – я сам не слишком-то с властями дружу.

– Я никого не убивал. – Егор продолжал держать водителя в поле зрения, искоса поглядывая на него.

– Конечно, не убивал, – усмехнулся водитель, – поэтому-то они всех ментов на ноги подняли.

– Я не убивал, – твердо повторил Родионов. – Я знаю, кто убил, а меня просто подставили.

– Так это ты убийца и есть? – раздался сзади внушительный баритон.

Егор быстро обернулся и лицом к лицу столкнулся с другим мужиком, который лежал на спальном месте, а теперь, откинув ситцевую занавесочку, выглянул в кабину. Это был сменщик водителя. Он включил небольшую лампу на потолке кабины и с интересом рассматривал Егора при ее тусклом свете. Егору стало понятно, почему так спокойно остановился по его просьбе «КамАЗ». Их было двое, а он, Егор, – один. Если что, они бы легко справились с ним.

Сменщик водителя выглядел более чем внушительно. Раза в полтора шире своего приятеля, кругломордый, с маленькими заплывшими глазками.

– Говорю же, меня подставили, – огрызнулся Родионов, – а если не верите, то остановите машину, я и без вас обойдусь.

– Да ладно тебе, – мордастый хлопнул его по плечу, – куда ты в ночь да на мороз? Я так понимаю, назад тебе нельзя, а до ближайшего жилья не меньше сотни верст. Ты куда путь-то держишь?

– Пока прямо, – уклонился от ответа Родионов.

Но все же тон водителя и его приятеля убедил его, что они, по крайней мере пока, не собираются его сдавать ментам.

– Егор, – представился он.

– Колян, – кивнул сменщик, – а это – Витька, – показал он на водителя. – Ты сам-то вроде не местный, – он еще больше сощурился, – откуда будешь?

– Из Свердловска.

– Ну-у? – удивился Колян. – Почти земляки. Мы с Витькой из Уфы. Знаешь?

– Не был, но слышал, конечно, – принужденно улыбнулся Родионов.

– Четвертый год здесь шоферим, – добавил Колян, – в леспромхозе. А ты какими судьбами сюда?

– Да вот, – пожал плечами Егор, – приезжал с будущим тестем знакомиться...

– Познакомился?

– Познакомился, – мрачно кивнул Родионов. – А вы что же, – он решил сменить тему, – в одиночку шоферите?

– Почему в одиночку? – отозвался Виктор. – Наши часа четыре как выехали, а у нас печка полетела. А без печки здесь нельзя, сам понимаешь. Пока раскидали, пока то да се. Завтра нагоним. А ты что же, так налегке собрался ехать? – в свою очередь поинтересовался он.

– Доеду как-нибудь, – неопределенно ответил Егор.

– Это смотря куда тебе нужно, – заметил Виктор, – если недалеко, то и тогда без харчей не получится. Знаешь, сколько тут людей на квадратный километр? – Он довольно загоготал: – Одна треть жителя! А есть места, где и того меньше. Так что ты, парень, с этим не шути. Я смотрю, у тебя ни вещей, ни ружья.

– Да я привычный, – ответил Егор, – несколько лет на полярной станции работал.

– Ну, – водители с уважением глянули на своего попутчика.

– Все равно, – добавил Колян, – нужно тебе жрачки какой. Можем подкинуть пару банок консервов, хлеб.

– Спасибо, – благодарно улыбнулся Егор.

Некоторое время ехали молча. Редколесье начало сменяться большими участками тайги. Витька гнал «КамАЗ» под сотню, уверенно держа руль крепкими руками. Когда миновали очередной участок леса, Егор заметил, что водитель нервно поглядывает в боковое зеркало. Это были короткие профессиональные взгляды, но обостренное чутье Егора угадывало какое-то напряжение.

– Чего там? – поинтересовался он.

– Кажется, менты, будь они неладны.

– Тормози! – Родионов заерзал на сиденье.

– Куда тормозить, парень? – покачал головой Витька. – Они же тебя тут враз сцапают или, еще хуже, подстрелят. Погоди, хоть до леса доберемся.

Деревья маячили где-то на горизонте, врезаясь пушистыми кронами в звездное небо. Витька еще сильнее надавил на газ, выжимая из груженной машины все, на что она была способна. Почти догнавший их «уазик» включил проблесковый маячок и визгливую сирену.

– Ну что творят, беспредельщики, – подал голос Колян, – знают же, что по закону посреди трассы останавливать не имеют права.

Начался пологий спуск, и груженому «КамАЗу» теперь стало легче отрываться от преследователей. «Уазик», мигая маячком, немного поотстал, но держался словно приклеенный.

– Ничего, – хмуро усмехнулся Виктор, – долго не продержится. Рассыплется. У него сотка – предельная скорость.

Сквозь рев «камазовского» двигателя в кабину донесся усиленный громкоговорителем голос. Слов было не разобрать, но и без этого было понятно, что им приказывают остановиться.

– Может, высадите меня, ребята? – неуверенно произнес Родионов. – Ведь проблемы будут.

– Если остановимся, – заметил Виктор, сжимая баранку, – вот тогда точно проблем не миновать. А так – откуда я знаю, кто это такие?! Он меланхолично повел широкими плечами.

– У них бензина не больше чем на три сотни километров, а у нас баки на тысячу с лишним литров, – пояснил Коля.

Выбравшись со спального места, он устроился между Егором и Виктором. Из «уазика» продолжали кричать что-то в мегафон, но приятели только усмехались.

Может быть, погоня так бы и закончилась ничем, если бы не возникло еще одно осложнение – в виде «Линкольна». Джип легко обошел милицейский «УАЗ» и, уткнувшись в зад «КамАЗу», попытался его обойти.

– Куда ты лезешь, дядя? – Виктор принял влево, не давая «Навигатору» места для обгона.

– Этот еще откуда взялся? – Коля наклонился к Виктору, пытаясь заглянуть в зеркало, чтобы рассмотреть преследователей.

Только вряд ли он чего увидел. Яркие фары джипа слепили глаза, отражаясь в зеркале.

Теперь «КамАЗ» с полуприцепом, ровно урча двигателем, шел посредине трассы, показывая, что дорогу уступать не собирается. На какое-то время преследователи приотстали, но только для того, чтобы поменяться местами. Джип позволил себя обогнать, и «УАЗ» снова прилепился к грузовику. Снова послышались призывы из матюгальника.

– Мели, Емеля, твоя неделя, – пробормотал Виктор, держа машину так, чтобы не дать себя объехать или хотя бы поравняться.

Несколько раз передний бампер «УАЗа» почти достал до задних колес «КамАЗа», но это едва не кончилось для него плачевно. Вильнув «хвостом», Виктор чуть было не сбросил его в кювет.

Милицейская машина снова отстала. Лесистая местность опять сменилась полосой лесотундры. Тут сидящие в кабине «КамАЗа» увидели, что их все-таки пытаются обойти. «Линкольн» съехал с трассы и пустился в погоню по бездорожью. Плотный неглубокий снег и широкие шины позволяли ему нестись по целине с огромной скоростью. Тяжелая машина подпрыгивала на припорошенных снегом кочках, но тем не менее начала потихоньку обходить «КамАЗ», мчащийся по трассе.

– Вот сука! – бросив взгляд влево, где метрах в пятидесяти шел параллельным курсом «Навигатор», пробормотал Виктор.

Он выжимал из машины все, на что она была способна, но дорога снова стала подниматься. «Навигатор» медленно, но верно уходил вперед. Сзади, хрипя громкоговорителем, давил милицейский «УАЗ».

– Не останавливай, даже если он перекроет дорогу, – косясь на джип, сказал Колян. Он провел ладонью по лицу, словно смахивал остатки сна.

– Кого ты учишь, Коля?! – покачал головой Виктор. – Не первый год замужем!

– Ладно ты, умный, – чуть обиженно пробасил Коля.

В другой ситуации, возможно, было бы смешно смотреть, как здоровенный кругломордый мужик обиженно поджимает губы, но теперь было не до смеха. Егор нервно постукивал правой ногой по полу, готовый в любую секунду выпрыгнуть из кабины.

Тем временем погоня продолжалась. «Линкольн» обогнал грузовик на несколько корпусов, но ему было еще нужно выбраться на трассу. Видимо, водитель джипа выбирал местечко поудобнее, чтобы совершить этот маневр. Наконец место было найдено. Едва не перевернувшись на откосе трассы, «Навигатор» оказался впереди «КамАЗа». Он по-прежнему мчался стрелой, но все заметили, что постепенно скорость его падает. Через несколько минут «КамАЗ» почти уткнулся передним бампером в запаску «Линкольна», которая у того была закреплена на задней дверце.

В этот момент все услышали несколько pistolетных выстрелов.

– Только не тормози! – еще раз предупредил Колян.

– Знаю, – огрызнулся Виктор.

Видимо, теперь он был не рад, что ввязался в такую игру. Но продолжал давить на газ, несмотря на выстрелы, раздававшиеся из «уазика», и на то, что «Навигатор» практически заблокировал им путь. Конечно, такой тяжелый джип, как «Линкольн Навигатор», весивший больше двух тонн, представлял на дороге солидное препятствие, но по сравнению с груженым «КамАЗом», весом в двадцать тонн, это было сущей ерундой. Только бы джип не встал поперек трассы!

А джип пока еще не собирался подставиться. Видя, что «КамАЗ» не собирается останавливаться, водитель «Линкольна» снова прибавил скорость и шел теперь впереди, словно указывая дорогу. Неожиданно у него опустилось стекло на задней дверке и оттуда высунулась рука с pistolетом. В ярком свете «камазовских» фар было хорошо видно, что это боевое оружие вроде «ПМ» или «ТТ».

Ствол pistolета посмотрел в небо и несколько раз изрыгнул снопы пламени.

– Слышь, Николай, – Егор потрогал соседа за рукав толстого джемпера ручной вязки, – все-таки мне лучше выйти.

– погоди, брат, – остановил его Николай, – они же не будут стрелять на поражение.

Словно в опровержение его слов pistolет снова выстрелил, но на этот раз ствол его был развернут параллельно земле. Одна пуля попала в тяжелый бампер, не причинив ни машине, ни ее пассажирам никакого вреда, а вторая зацепила крышу. Тоже, впрочем, по касательной. Зазвучали выстрелы и со стороны «уазика». На этот раз оттуда стреляли не по звездам.

– По колесам бьют, сволочи, – словно от зубной боли поморщился Виктор.

Положение становилось аховым. Несущийся по заснеженной трассе «КамАЗ» был спереди и сзади зажат в тиски. Причем одной из «щечек» этих тисков была милицейская машина. Неизвестно, правда, кто в ней сидел, но, судя по всему, шутить эти люди не собирались. У них была вполне определенная цель, к которой они стремились, невзирая ни на что.

Путешествие за полумифическими алмазами могло закончиться, едва начавшись. А что мог противопоставить Егор, у которого из оружия был только складной нож, вооруженным до зубов бандитам, которых к тому же прикрывали менты? Он уже жалел, что втянул в это предприятие водителей. И хотя он их ни о чем не просил, но все же предполагал, что у них из-за него могут быть большие неприятности.

– Виктор, тормози! – порывисто сказал он.

Водитель резко повернул к нему голову, словно собираясь что-то ответить, но очередной выстрел из джипа пробил правую половину лобового стекла. Пуля просвистела между головами Егора и сидевшего рядом Николая, пробила заднюю стенку и впилась в торец одного из бревен. Стекло оказалось не армированным, поэтому сразу рассыпалось на мелкие кусочки.

В кабину ударил ледяной встречный ветер. Разогретая отремонтированной печкой кабина «КамАЗа» выстыла в одно мгновение.

– Ах ты, паскуда! – перекрывая шум двигателя и свистящего в ушах ветра, закричал Николай.

С неожиданной прытью он вдруг бросился на спальное место.

«Куда это он?» – успел только подумать Родионов, но Николай уже выбирался обратно.

Раскидав спальные принадлежности, он вытащил откуда-то из дальнего угла семизарядный карабин и вместе с ним выбрался в салон. Снова устроившись на сиденье, он передернул затвор и, не обращая внимания на пронизывающий холод, выставил ствол через разбитое пулей стекло.

– Ну что, суки, поиграть решили?! – спокойно прицелившись, он спустил курок.

Видимо, он попал «Линкольну» в заднее колесо. Джип тут же начал вилять «задом». Водитель попытался выправить машину, но она уже потеряла управление. Ее занесло, развернуло поперек трассы и с силой швырнуло в кювет. Сперва показалось, что она удержится и не перевернется, но ее снесло под откос боком, она зацепила за кочку и, на пару секунд зависнув на двух колесах, опрокинулась набок.

* * *

– Вот гады, – из опрокинутого набок «Линкольна» выбрался водитель – крепкий парень в кожаном пуховике, – баллон пробили!

Удерживаясь на боку перевернутого джипа, он помог выбраться из него своему начальнику – Николаю Павловичу.

Тот вылез, недовольно глядя вслед удаляющемуся «КамАЗу», и потер ушибленную голову.

– Все равно не уйдешь, – сквозь зубы процедил он.

Он спрыгнул на снег, оперевшись руками на плечи водителя, который уже спустился вниз и дожидался, пока подъедет милицейский «УАЗ».

Ветер в Якутии не такая уж частая штука. Сейчас он тоже почти совсем стих, поэтому под звездным небом стояла тишина, нарушаемая только отдаленным гудением двигателя «УАЗа» и криками майора, выбравшегося с пассажирского сиденья и бежавшего к джипу.

– Николай Павлович, Николай Павлович, все в порядке? – орал майор, вылезший с переднего сиденья «УАЗа».

– Чего в порядке, – Карагодин посмотрел на «Навигатор», – не видишь, что ли?

В этот момент открылась задняя дверца джипа и оттуда показалась голова в нахлобученной по самые плечи меховой шапке.

– Че такое, я не понял? – голова покрутилась туда-сюда.

Потом из салона высунулась рука с зажатым в ней пистолетом.

– Поставь на предохранитель, Эдик, – крикнул Карагодин, – перестреляешь всех на хрен!

– Понял, не дурак, – ответил Эдик.

Он спрятал пистолет и стал выбираться наружу.

Отвернувшись от машины, Николай Павлович сделал несколько шагов по направлению к майору.

– Значит, так, – словно он был его непосредственным начальником, произнес Карагодин, – вызывай вертолет, фирма оплачивает.

– Так горячего же нет, Николай Павлович, – поморщился майор, кутаясь в форменный меховой тулуп, перетянутый портупеей.

Майор был небольшого роста, круглолицый и коренастый. Его маленькие быстрые глаза перебежали с опрокинутого джипа на Карагодина и обратно.

– Ты что, майор, – неприязненно посмотрел на него Карагодин, – как это нет горячего?

– Не завезли, Николай Павлович, – он растерянно развел руки в стороны.

– А за что, Гриша, ты от фирмы пособие получаешь, а? – Карагодин слегка наклонил голову набок, пытаясь поймать бегающий взгляд милиционера.

Майор чувствовал этот пронизывающий взгляд, но глаз не останавливал. «Пособие», о котором говорил Карагодин, в несколько раз превышало его должностной оклад, но вопрос с вертолетом был не в его компетенции. Он кутался в тупуп, похлопывая рукавицами друг о друга, и стремительно соображал, как выкрутиться из этой ситуации.

– Ну что, Гриша, – Карагодин так и не смог поймать его взгляда, – надо что-то решать. Я, конечно, могу связаться с Шепелевым: он вертолет найдет, но ты-то тогда зачем?

– Сейчас, сейчас, Николай Павлович, – что-то решив, майор кинулся к «уазу».

Забравшись в салон, он зябко поежился и потянулся к рации.

– Петренко, – вызвал он дежурного, – свяжись с вертолетчиками, скажи, что нужен вертолет на пару часов.

– Так ведь горячего... – начал было дежурный, но майор перебил его.

– Знаю, знаю, – раздраженно бросил он, давя на кнопку, – скажи, что я верну... скоро верну. Так и скажи, понял?

– Понял, товарищ майор.

– Давай сделай, срочно, – торопился он, – я на сто двадцатом километре.

Положив трубку на рацию, майор облегченно вздохнул. «Вот бы мне самому поймать этого преступника, – подумал он, – сразу бы повысили в должности, а может, даже дали подполковника».

Он не стал развивать эту тему – возможно, этот убийца попадет в их сети еще до конца ночи. Вот если он улизнет...

Пока майор связывался с дежурным, Карагодин вызвал по сотовому автокран и бригаду, охранявшую офис компании.

В «уазике» прорезалась рация, и майор узнал голос дежурного.

– Ну что, Петренко?

– Будет вертолет, товарищ майор, – доложил дежурный, – через полчаса ждите.

Довольный майор выскочил из машины и кинулся к Карагодину.

– Сейчас, сейчас будет вертолет, – сообщил он, – может, в машине подождем?

Глава 2

Виктор едва успел вывернуть руль, чтобы не задеть ставший неуправляемым джип. Пролетев мимо него, он, продолжая держать руль одной рукой, достал из-за спины овчинный тулуп.

– Подержи-ка руль, – повернулся он к Николаю.

Зажав карабин между коленей, толстяк взял руль левой рукой, и пока Виктор одевался, держа ногу на педали акселератора, он управлял машиной.

Когда Виктор надел тулуп, шапку и меховые рукавицы, его напарник передал ему руль и начал одеваться сам.

– С такой вентиляцией мы долго не продержимся, – он озадаченно посмотрел по сторонам, прикрывая лицо рукой, – не май месяц.

– Здесь и в мае бывает нежарко, – отозвался Виктор.

– Вообще в Якутии холодно только два месяца в году, – расплылся в улыбке Коля. – Остальные десять – очень холодно, – добавил он и рассмеялся старой шутке.

– Они остановились у джипа, – Виктор посмотрел в зеркало и повернулся к своему напарнику, – можно что-нибудь придумать со стеклом.

– Если бы у вас был кусок фанеры, – предположил Егор.

– Фанера? – Коля посмотрел на попутчика. – Есть такое дело.

Проехав еще несколько километров, «КамАЗ» остановился на обочине. Ветер жег лица. Егор выбрался из машины, давая возможность вылезти Николаю. Тот открыл железный ящик, приваренный у нижней части «КамАЗа», выгреб оттуда какие-то шмотки и достал из задней части кусок шестимиллиметровой фанеры.

– Сгодится на первое время, – удовлетворенно произнес он.

Он поднялся на бампер «КамАЗа» и принялся выковыривать из резинового ободка остатки разбитого стекла. Затем, приложив фанеру к проему, плотно прижал ее обеими руками. Егор быстро забрался в кабину и, найдя в кармане куртки шариковую ручку, нарисовал на фанере контур стекла.

– Вынимай. – Он выпрыгнул из кабины и принял кусок фанеры у Николая.

Оставив небольшой припуск, он достал нож и принялся резать фанеру по контуру.

– Погоди-ка, – остановил его Николай, – так мы до утра провозимся.

Он исчез на несколько секунд и возвратился с небольшой раскладной пилой. Теперь дело пошло быстрее. Через несколько минут заплатка была готова. Скрюченными от мороза пальцами ее кое-как засунули на место стекла и снова забрались в кабину.

– Теперь другое дело, – похвалил их Виктор. – Хоть и слепые на один глаз, но зато не дует.

Он снова надавил на газ, и тяжелая машина тронулась с места. Скоро в салоне снова стало тепло, и Егор снял капюшон и шапку. Коля тоже принялся стаскивать с себя тулуп. Витек опять воспользовался услугами Коляна в качестве рулевого, чтобы раздеться. В течение получаса ехали молча. Каждый думал о чем-то своем. Наконец, Родионов прервал молчание.

– А вы ребята не промах, – он удовлетворенно кивнул головой, – ствол с собой возите...

– А здесь на трассе каждый со стволом ездит, – отозвался Виктор, – без этого нельзя. Если не зверь какой нападет, то вот такие как на тебя, – он кивнул головой назад, туда, где остались их преследователи.

На всякий случай снова посмотрел в зеркало: нет ли кого? На трассе было пусто.

– Спасибо за помощь, ребята, – искренне поблагодарил их Егор, – поеду обратно – обязательно вас найду.

– Кончай трепаться, – всем телом повернулся к нему Николай, – мы не за тебя, мы за себя боролись.

– То есть как? – не понял Родионов.

– Да так, – подтвердил Витька, – когда машина на трассе – никто не может ее остановить. Здесь тоже люди разные попадаются, хотя добрых тут больше. Знаешь почему? – он на минуту замолчал, ожидая ответа.

Конечно, Родионов предполагал, что нужно ответить: мол, плохие люди в этих краях не приживаются, сам несколько лет работал на Севере, но ему почему-то хотелось услышать это из уст Виктора.

– Потому что, – неожиданно выдал Виктор, – мороз гадов не терпит. Они мерзнут быстрее.

– Это точно, – улыбнулся Родионов.

Что-то загудело над их головами, точно отдаленные раскаты грома. Но какой гром может быть в Якутии, пусть хоть и в конце зимы?! Здесь и паводки-то начинаются не раньше конца апреля.

Несмотря на их недоуменные переглядывания, шум приближался. Вскоре он перешел в настырный рокот, который доносился откуда-то сверху.

– Вертолет, – Егор первым понял, в чем дело, – это тоже по мою душу. Теперь тормози, не хочу больше вас беспокоить.

– Кончай бузить, товарищ, – усмехнулся Николай и бросил короткий взгляд на своего напарника, – здесь вертолету и сесть-то негде.

Дорога, прямая как стрела, действительно шла сквозь тайгу. Возможно, при большом желании и мастерстве летчика винтокрылая машина и могла бы приземлиться на трассе среди высоченных лиственниц и кедров, но только не ночью.

Но вертолет, похоже, и не собирался садиться, во всяком случае, пока. Он кружил над двигающимся «КамАЗом», то залетая чуть вперед, то делая круг и заходя на тягач сзади.

– И все-таки мне лучше выйти, – настаивал Егор.

Но его, казалось, никто не слышал. Виктор продолжал крутить баранку, а Николай, наклонившись в его сторону, поглядывал на дорогу и на вертолет через целую половину ветрового стекла.

Вдруг, сделав очередной круг, вертолет быстро начал обгонять «КамАЗ».

– Они что-то задумали, – предупредил Егор.

– Ничего они не сделают, – ответил Николай, но в его голосе уже не чувствовалось прежней уверенности.

Тайга опять начала редеть. Лиственницы, кедры и ели сменились чахлыми березками. Кое-где по сторонам приоткрылись небольшие прогалы. Но так было только по правую сторону дороги. С левой стороны деревья высились плотной черной стеной.

Еще через полчаса справа замаячил покрытый сопками участок тундры.

– Черт побери! – неожиданно пробормотал Виктор.

«КамАЗ» начал быстро снижать скорость и в конце концов почти остановился. Николай наклонился к стеклу, чтобы посмотреть, что так насторожило его напарника. Егор, почувствовав опасность, опустил стекло и тоже выглянул наружу.

Метрах в двухстах от них на дороге стояли люди. Двое или трое: разглядеть было трудно. Но их намерения были ясны. Тем более что позади них на трассе чернела какая-то несуразная громадина.

«Вертолет», – понял Родионов.

«КамАЗ» остановился. Егор увидел, что освещаемые едва достающим до них светом фар люди двинулись к замершей машине.

– Теперь, кажется, точно – пора, – Егор натянул шапку и открыл дверь.

– Погоди, возьми вот, – Николай открыл бардачок и достал оттуда пару банок говяжьей тушенки.

Сунув по банке в нижние карманы куртки, Родионов спрыгнул с подножки.

– Стой, – крикнул ему Виктор.

Вытащив со спального места карабин, он протянул его Егору.

– Пригодится. – Он быстрым, но точным движением достал откуда-то из-под сиденья пачку патронов и передал их Николаю.

Тот сунул патроны Родионову.

– Так нам будет спокойнее. – Николай видел, что Егор сомневается, брать ли ему оружие. – Если что, скажем, что ты держал нас на мушке. – Не возражаешь?

– Идет, – усмехнулся Егор, забирая карабин и патроны. – И спасибо вам за все.

– Удачи, приятель, – кивнули водители.

От вертолета к «КамАЗу» быстро приближались люди. Теперь было видно, что их трое. Егор уже различал их возбужденные голоса. Слов разобрать он не мог, но суть их прекрасно понимал. Ему приказывали выйти на открытое пространство с поднятыми руками.

– Это мы еще успеем, – пробормотал он, захлопывая дверь.

Крадучись пробравшись вдоль машины назад, он наклонился, наблюдая за ногами преследователей. Те разделились перед «КамАЗом» и подошли к кабине с двух сторон.

– Открывай, – услышал он баритон того, который подошел со стороны пассажирского сиденья.

Человек попытался открыть дверь, но она не поддавалась.

– Чего? – Окно немного опустилось и в него выглянул Николай.

– Открывай, милиция!

Выглянув из-за колеса «КамАЗа», Родионов увидел в руках у мужчины короткоствольный пистолет-пулемет. Он немного разбирался в оружии и угадал в очертаниях пулемета израильский «узи».

– А ты кто такой? – Николай дверь не открыл, а продолжал разговаривать через полуоткрытое окно.

– Сейчас узнаешь, если не откроешь. – Мужик сунул ствол «узи» в лицо Николаю.

– Веский аргумент, – вздохнув, согласился Николай, – но, может, какой документик имеется?

– Какой, к черту, документ?! – заорал мужик. – Вы расстреляли машину генерального директора комбината. Я начальник его охраны – Карагодин Николай Павлович.

– Тетка, значит, – флегматично протянул Колян.

– Открывай, твою мать, – бесновался Карагодин, – мы знаем, что у вас в машине преступник!

– Преступник? – удивленно воскликнул Колян.

Пока он пудрил мозги начальнику охраны, Виктор с другой стороны разбирался с майором. У них происходил примерно такой разговор:

– Ты чего, пьяный за рулем?! – размахивая табельным «макаровым», вопил майор. – Почему не реагируешь на сигналы, а?

– Вы же знаете, товарищ майор, что сейчас на дорогах творится, – почти ласково отвечал Виктор, – того и гляди бандиты, беспредельщики.

– Открывай, твою мать! Я тебе покажу беспредельщики! Кто стрелял?

– В нас? Не знаю кто.

– Из вашей машины кто стрелял, идиот?!

– А-а, – словно опомнился Виктор, – подобрали одного на трассе, а он пушку в бок – и привет. Вези, говорит, без остановок. Да он за несколько километров отсюда вышел. Как увидел вертолет, тормози, говорит. А нам что делать?

Виктор, который тоже разговаривал с майором через окно, открыв наконец дверь и накинув тулуп, выбрался на мороз.

– Если хотите, можете проверить, – прыгнул он с подножки.

Майор быстро забрался в кабину, держа наготове «макаров».

Решив, что лучше шанса не представится, Родионов пролез под бревнами, которые вез тягач, перебежал на левую сторону дороги, вдоль которой в нескольких метрах высились мохнатые лиственницы, и скатился в кювет. Подняв голову и поняв, что никто его не заметил, он бросился к лесу.

* * *

– Никого, – тщательно обследовав кабину, майор выбрался на дорогу.

Карагодин тоже поднялся в салон и сам осмотрел все в мельчайших подробностях. Также никого не обнаружив, он разочарованно крикнул.

– Так мы поедем, командир? – Виктор подошел к майору.

– Куда? – тот непонимающе посмотрел на него. – Вы – сообщники преступника.

– Мы потерпевшие, товарищ майор, – жалобно протянул Виктор. – Нам своих догонять надо.

– Разберемся, – отмахнулся от него майор, – пока никуда не уезжайте. Дай-ка сюда ваши документы.

Виктор забрался в кабину, вернулся и нехотя протянул накладные на груз, водительское удостоверение и путевой лист. Даже не взглянув на бумаги, майор сунул их в планшетку.

Ему почему-то не верилось, что они потеряли преступника. Вытащив из глубокого кармана полущубка фонарик, он в сопровождении Карагодина обошел машину кругом и принялся обследовать обочину в ближайшем радиусе. Пройдя метров сто назад по левой стороне дороги, где раскинулась тундровая зона, он перешел на другую сторону и принялся осматривать ту, за которой чернел лес.

Забравшись в кабину, водители с волнением наблюдали за крохотным овалом фонаря, прыгавшим по откосам дороги, как напуганный заяц.

– Ну, – Николай толкнул Виктора, прильнувшего к стеклу, в бок, – что будем делать?

– Да мы все уже сделали, – качнул головой Виктор, – теперь остается только ждать. Главное, не сморозить какой-нибудь глупости.

– Тогда говори лучше ты, – вздохнул Коля. – Как, например, ты объяснишь появление следов рядом с машиной?

– Не дергайся, что-нибудь придумаю.

– Тогда думай быстрее, кажется, они уже напали на след этого парня.

Майор с Карагодиным действительно стояли возле того места, где Родионов перебежал дорогу и углубился в лес. Майор долго рассматривал неглубокие отпечатки на снегу и наконец вынес вердикт:

– Это его следы.

Карагодин уже давно это понял. Он шагнул в сторону леса, прошел несколько метров и остановился.

– Пошли, ну чего стоишь?

– Куда, Николай Павлович? – почти жалобно произнес майор. – У него же оружие. Он нас как щенков расстреляет.

– Ты прав, – подумав немного, согласился начальник охраны и вернулся к трассе. – Тогда пошли, – он быстро зашагал к темневшему в отдалении вертолету.

Еще не поняв, что от него хочет Карагодин, майор двинулся за ним, с облегчением решив, что все-таки преследовать ночью по тайге вооруженного преступника не придется.

– А с этими что? – догнав Карагодина, спросил он, показав рукой на «КамАЗ».

– Успеем и с ними разобраться, никуда они не денутся.

Добравшись до вертолета, Карагодин сделал летчику знак и тот открыл люк.

– Давай, – кивнул начальник охраны майору, – забирайся. Бери рацию и вызывай группу захвата.

– Ночью, группу захвата? – Майор с тоскливым недоумением посмотрел на Карагодина.

– А что, они только днем могут работать?! – заорал вдруг Карагодин, взбешенный тем, что в сущности майор был прав: посылать ночью людей в тайгу было не слишком разумным решением. Ладно бы еще летом, когда можно хотя бы не замерзнуть насмерть, хотя и летом в Якутии бывают заморозки.

– Черт с тобой, – Карагодин вдруг смягчился, – начнем операцию по захвату утром. Все равно он далеко не уйдет.

– Конечно, не уйдет, – быстро согласился майор, – а завтра я что-нибудь придумаю.

– Ну, пошли, – начальник охраны двинулся к «КамАЗу», замершему с потушенными фарами на обочине дороги, – хочу поговорить с этими водителями. Что-то не нравится мне, как они себя ведут. Можешь задержать их на пару суток?

– Если нужно, попробуем, – нехотя кивнул майор, понимая, что у него нет достаточных оснований для задержания.

Карагодин открыл дверцу, которая на этот раз оказалась не заперта, и забрался в кабину. Чтобы освободить место и для майора, тоже собравшегося залезть в салон, Николай залез на спальное место. Да и подальше от вопросов, которые наверняка будут задавать майор и этот начальник.

Майор захлопнул за собой дверь. Двигатель «КамАЗа» работал, и печка обогривала салон.

– Так, парни, – майор с ходу пошел в атаку, – влипли вы в историю.

Он положил планшетку на колени и достал из нее несколько чистых листов бумаги. Видя, что «парни» молчат, он решил еще немного их припугнуть.

– За пособничество преступнику, знаете, что бывает? – грозно спросил он.

Не услышав ответа, он решил действовать им на нервы. Не спеша начал выспрашивать их фамилии, адреса, место работы и так далее.

– погоди, Максимыч, – остановил его Карагодин, которому стала надоедать эта тягомотина. – Ты спроси у них, – он хитро сощурился, – где сошел их попутчик?

– Да, где? – переспросил майор. – Вы сказали, что вышел он давно, а следы его здесь, рядом с вашей машиной. Значит, когда мы вас остановили, он был в кабине? Врете, парни. А это уже не только пособничество, но и укрывательство.

– Ничего мы не врем, – уверенно произнес Виктор, – как сказали, так и было. А чьи здесь следы – мы не знаем.

– Его, чьи же еще? – презрительно поморщился майор. – Следы свежие. А раз есть следы, значит, был человек, который вышел из вашей машины.

– Он вышел раньше, – упрямо твердил Виктор.

– Как же он оказался в этом месте? Он что, летает?

– Так это... – Виктор прикинулся шлангом, – может, он на прицеп забрался, когда мы его ссадили...

Майор посмотрел на Карагодина.

– По-вашему, – Карагодин теперь сам задавал вопросы, – он несколько километров ехал на бревнах? При пятнадцатиградусном морозе?

– Не знаю, – Виктор честно пожал плечами. – Если это преступник, как вы говорите, то он должен заметить следы. Мы бы могли сообщить, где он нас оставил, тогда вы бы знали и легко его сцапали. Вот он и устроился на прицепе.

– Тогда почему вы не сообщили? – Карагодин повысил голос.

– Так у нас же ни рации, ни телефона, – слабо улыбнулся Виктор. – Добрались бы до первого автомата и сразу бы сообщили. Да мы еще и напуганы были, он все время нам пушкой под ребра тыкал...

Карагодин чувствовал, что ребята лукавят, но ничего поделать с этим не мог. Не за что было ухватиться. Майор тоже несколько сник.

– Ладно, Максимыч, – Карагодин повернулся к майору, – черт с ними, пусть катятся ко всем чертям. Если будет нужно, мы их везде достанем.

На дороге запрыгали снопы фар, отразившиеся в зеркале заднего обзора. Майор выпрыгнул из «КамАЗа» и вышел на дорогу. Машина снизила скорость и остановилась. Это был милицкий «уазик».

Переговорив о чем-то с водителем, майор вернулся к Карагодину.

– Все в порядке, джип подняли, – сообщил он.

– Хорошо, – кивнул Карагодин, – оставайся здесь, будешь караулить следы, а я организую поисковую бригаду.

– Чего ж я здесь, всю ночь буду сидеть? – скуксился Максимыч.

– Сколько надо, столько и будешь, – безапелляционно заявил Карагодин.

Он отвернулся от майора и, прикрывая лицо рукавицей, направился к вертолету.

Глава 3

А ведь начиналось все совсем неплохо. За несколько дней до этой злосчастной ночи, когда Родионов только приехал в Якутск. За стенами ресторана «Алдан» тонко и остро поскрипывал морозный якутский март. Если где-то и веяло весной, то в душах собравшихся за длинным столом людей. Их потные возбужденные лица розовато светились в мягком полумраке зала. Резкий пронизывающий ветер и малая плотность населения в сочетании с алкоголем могут дать потрясающий эффект человеческой солидарности.

Зал ресторана, по-провинциальному аляповатый и претенциозный, напоминал пчелиный улей. Жужжание часто перекрывал медвежий рык виновника торжества – Шепелева Семена Никанорыча. Его изрытое оспинами красное лицо напоминало изрезанный ландшафт Якутии. Горные хребты наступали на плоскогорья, те складчато спускались к низменностям, уводящим в свою очередь в прохладные и снежные долины.

– Поддай, поддай еще водки! – грохотал Шепелев, цепляя за локоть пробегающего официанта.

Семен Никанорович раздражался икающим хохотом, вытирал салфеткой свой кривова-тый, точно Верхоянский хребет, рот и довольно сопел. С напускным равнодушием он следил за Кюкюром Таныгиным, пятидесятилетним якутом, жена которого работала менеджером на его предприятии. У Таныгиных был свой праздник – из Свердловска приехала дочь с женихом. Услышав эту новость, Шепелев пригласил в ресторан все семейство.

Семен Никанорович с размахом отмечал свой юбилей. Ему стукнуло шестьдесят, но в его жилах кипела молодцеватая отвага. Его маленькие масленистые глазки сверкали задором и лукавством. Одна из прикрывающих огромную лысину боковых острых прядей серо-ватой паклей прилипла ко лбу. Он наобум пригладил ее, стараясь накрыть обнажившийся край лысины, и, подняв рюмку, встал с обитого пестрым гобеленом стула.

На него упал слегка обеспокоенный взгляд его помощника, Захарова Ильи Александровича. Это был длинный нескладный господин со стыдливо топорщившимся под импортной сорочкой брюшком и вялым анемичным лицом. Вялость эта составляла часть его имиджа. Он привык вести деловые переговоры, а одно из главных качества негоцианта, как известно, хладнокровие.

– Друзья-товарищи, – едва не расплескивая водку, сипло гаркнул Семен Никанорович, – слушайте вы, черт вас возьми! Хватит бакланить! – еще громче рявкнул он.

Приглашенные неожиданно смолкли и с некоторой тревогой посмотрели на именинника.

– Я предлагаю выпить за моих гостей, – широким жестом он отвел рюмку с водкой в сторону, – я говорю о Таныгиной Надежде Петровне и ее семье. Так уж получилось, – Семен Никанорович самодовольно улыбнулся, – что мой праздник совпал с ихним. Такое бывает, – усмехнулся он, – так вот... Ирина, дочь Надежды Петровны, скоро выйдет замуж. Посмотрите, какая красавица...

Гости как по указке обратили взоры к застенчивой черноволосой девушке, сидевшей рядом с молодым человеком в коричневом джемпере. Сколько ни уговаривала Ирина своего жениха надеть приобретенные по случаю костюм и галстук, он упорно отказывался, ссылаясь на нежелание менять свои «босяцкие» привычки. Хвалебно-льстивая реплика Шепелева заставила скуластое лицо девушки подернуться робким румянцем. Он красиво оттенил ее гладкую кожу, добавив ей привлекательности.

– Так незаметно выросла, – с покровительственно-отеческой нотой в голосе продолжал Семен Никанорович, – да, летит время. Ее жених – правильный мужик, а не какой-то хлюпик, смею надеяться. Наш край не терпит хилых интеллигентиков, всяких там фраеров. Достаточно посмотреть на парня, чтобы понять, что он не из таких! – с пафосом заключил Шепелев.

Шквал одобрения ударил в отделанные мрамором стены парадного зала.

Егору же, Ирениному жениху, стало немного не по себе. Хотя большая доля правды в оценке Шепелева была. Но сам-то он, Егор, считал себя все же интеллигентом. Несколько лет, правда, он угробил на то, чтобы притупить свою умственную изощренность, отдав предпочтение нелегкому существованию полярников. Он сознательно не пошел ни на литфак, ни на филфак, а, окончив геодезическое отделение Свердловского университета, отправился в Арктику. Там, на полярной станции, в течение весьма длительного времени шла выработка характера и воли. Именно выработка, а не шлифовка. Натура плавилась и, застывая, приобретала новую форму. Но интеллигентность сидела в нем, как заноза, и малейший намек на нее со стороны другого повергал его в подобие растерянности. Егор становился хмурым и замкнутым, словно пытался защититься от опасности или стыда. Как будто чувствовал себя уличенным в каком-то неблагоприятном поступке.

– Поднимем бокалы, – высокопарно обратился к присутствующим Семен Никанорович, – выпьем за будущих молодоженов. Счастья им и процветания!

Пространство над столом наполнилось стеклянным трепетом. Грани рюмок скользили друг по другу расслабленно и сонно. Гул голосов и пьяные улыбки плыли перед Кюкюром, словно узор на чепраке отцовской лошади. Тюркская вязь листьев и длинных стелющихся стеблей. Где тот чепрак и где та лошадь? В сердце Кюкюра ожила старая печаль.

– Поздравляю, – наклонился к Кюкюру его давний приятель Карагодин Николай Павлович, служивший на фирме Шепелева начальником охраны.

– А, – махнул рукой загрустивший Кюкюр и вдруг затянул старинную песню.

Надежда Петровна с затаенным упреком покосилась на мужа.

– Пусть поет, – милостиво разрешил Шепелев, – красиво, хоть и не понимаю ни бельмеса!

Кюкюр затянул дьиэрэтии ырыа, протяжную песню, представлявшую собой мелодически оформленный эпизод народного эпоса «Олонхо». Пел он о противостоянии древнего бога, отца всех якутов, и грозного мамонта. Песня началась в узком диапазоне и, постепенно расширяясь, обогатилась гортанными звуками – кылысами.

– Ну чего ты завел, – покачал головой Карагодин, – спой что-нибудь повеселей, ты не на похоронах.

– Молчи, кулут, – прервав на мгновение пение, раздраженно прошипел Кюкюр.

Когда он бывал пьян или расстроен, не признавал ничьего мнения.

– Это старая песня, – снисходительно пояснил он, – когда якуты строили буорджие и селились на Олекме и Алдане, она уже была. И теперь, когда в тайге не встретишь юрты, а только деревянные избы, она жива. Она и нас переживет, умрет с последним якутом!

– Ну-ну, – усмехнулся Карагодин, – не обижайся. Все это тоска малых народностей...

– Это якуты – малая народность? – еще пуще вскипел Кюкюр. – Да Якутия занимает треть территории России!

– Не треть, а пятую часть, – поправила Кюкюра дочь, – но живут в ней в основном русские да украинцы.

– Что ты понимаешь! – с досадой откликнулся Кюкюр.

– Ты бы, папа, лучше, дэгэрэн ырыа исполнил, – несмело попросила дочь, – а мы бы потанцевали.

– Да, я могу, но это будет как засохшая береста, – возразил он, – мне даются тангалай ырыата, но душа моя – в «Олонхо»!

Он изобразил клацающие небные звуки, ловко орудуя языком.

– Помню, мать моя, Амма, жена Лйаала, так танцевала! Даже когда шла в осуохай – все мужчины только на нее и смотрели. Но зато отец на кырымпа так играл, так играл!

Кюкюр снова затянул песню. Его взор стал туманным и отрешенным, как апрельское утро над Вилюем. Шепелев с досадой смотрел на него осоловелыми глазами. Гости приуныли. И только Кюкюр все больше преображался, умирняя голосом поток нахлынувших воспоминаний.

– Я так и знала, – тихо проговорила Ирина, обращаясь к жениху.

Егор, в отличие от большинства гостей, блаженствовал. Нравилась ему не столько песня сама по себе, сколько независимое и даже отчасти эгоистическое поведение будущего тестя. Он еле сдерживал довольную улыбку, наблюдая за сонными или недовольными лицами приглашенных.

– Ну давай потом, гости ждут, – снова шепнул Кюкюру Карагодин.

Глаза Кюкюра от гнева превратились в узкие, как бритва, щелочки. И блстели они, как бритва.

– Вот бы на голову твою кюпсюр обрушить! – воскликнул он. – Нерадивый ты кулут!

– Кюпсюр – это барабан, – шепотом объясняла Егору Ирина, – а кулут – раб. Папа, ну на самом деле, – она с мягкой укоризной взглянула на отца.

Тот ожесточенно замолчал и теперь сидел, тупо уставившись в тарелку, где остывал приготовленный под клюквенным соусом налим.

Шепелев дважды заседал за праздничным столом. Вчерашнее, более роскошное пиршество устраивалось ради деловых людей, партнеров, инвесторов и некоторых из работников фирмы. Среди прочих был приглашен представитель восточного отделения компании «Де Бирс», с которым Шепелев жаждал наладить сотрудничество. Гостям подавались осетрина и жаркое из рябчиков. Куски приготовленных по специальным рецептам кабана и косули, живописно сгруппированные на огромных блюдах, были украшены пикантным брусничным желе, грибами и дольками ананаса.

Сегодняшний праздник был намного скромнее. Это обстоятельство, однако, не смущало Шепелева. Наоборот, он требовал хвалы за проявленные демократизм и деликатность. Жене он говорил: «Ну подумай, на самом деле, что мне, паханов и „шестерок“ за один стол сажать?»

– А теперь подарок, – огласил Шепелев зал своим принужденно-веселым рыком.

Он кивнул помощнику, и тот, с трудом освободив из-под скатерти свои ноги-жерди, направился к окну. Там, на длинной тумбе, в окружении бокалов, фужеров, ваз с гладиолусами и тюльпанами, рдела таинственная, перемотанная золотистой лентой коробка. Захаров вручил ее шефу и невозмутимо уселся на свое место. Шепелев выдержал томительную паузу, потом стал распечатывать коробку, то и дело бросая проверяющие взгляды на напряженные лица гостей. Зал стих. Предвкушение чуда, барской щедрости и готовность к дежурным восторгам царили среди собравшихся.

– Вот, – причмокнул Шепелев, вынимая из коробки шкатулку из моржовой кости с ажурной резьбой. – Вот, принимайте...

Шепелев снова положил шкатулку в коробку и, не закрывая крышкой, вернул Захарову. Тому снова пришлось вылезти из-за стола, дабы вручить подарок молодым. Ирина ударилась в краску.

– Да зачем же, – от волнения приподнялась со стула Надежда Петровна, – ну, право...

– Надежда Петровна, – покровительственно и властно возвысил голос Шепелев, – сколько ты у меня на предприятии работаешь? Или твоя дочь не заслужила такого подарка?! Вот если бы я молодым машину подарил – тогда другое дело!

Егор сделал кислую мину. Ирина тронула его за руку. По залу пробежал ропот восхищения.

– Ты чего?

– Противно, – скривил он рот в горькой усмешке, – строит из себя щедрого господина, а сам народ эксплуатирует...

– Перестань, революционер нашелся, – сжала его руку Ирина. – Спасибо, – она поднялась со стула с благодарственной речью. – Это ценный подарок... каждый знает...

Она смущенно замялась.

– Кюкюр, – воспользовавшись паузой, обратился к Таныгину Шепелев, – ты красиво поешь, но еще не произнес сегодня ни одного тоста.

– А? – очнулся Таныгин.

– Скажи что-нибудь приятное гостям, поблагодари Семена Никанорыча за подарок, – раздраженно шепнула мужу Надежда Петровна.

– Я хочу выпить, – приподнялся на нетвердых ногах Кюкюр, – чтобы мы чаще собирались за праздничным столом, чтобы для народа Якутии наступил час процветания. Смотрите, сколько в нашем крае богатств, сколько золота и алмазов, угля и цветных металлов. А куда все это идет? – качнулся Кюкюр, обводя присутствующих требовательным, хотя и мутным взглядом. – Что за проклятие на нашем народе, если его богатства расхищаются, а ему достаются крохи?

– Кюкюр, – прошипела Надежда Петровна, слегка потянув его за полу пиджака, – перестань, ты не на митинге.

Ирина тоже забеспокоилась.

– А тебе, Семен Никанорыч, спасибо, – как ни в чем не бывало продолжал Кюкюр, – за твой королевский подарок. Ему место в музее, правда...

Таныгин закашлялся.

– Ну так давайте выпьем, чтобы у каждого в доме был такой музей, – подхватил Карагодин.

Зал зашумел, раздалось нетерпеливое чоканье. Кюкюр, изумленно качнув головой, сел.

– Ты чего? – напустилась на него Надежда Петровна. – Выпил лишнего, так учись сдерживать себя. Зачем ты о крае заговорил? Только этого мне не хватало.

– Молодец, тесть, – неожиданно для Кюкюра откликнулся Егор, чем вызвал на лице Таныгина растерянно-благодарную улыбку.

– Я тебе еще не то скажу, – хитро блеснули глаза якута, – но это пока тайна.

Он наклонился к Егору, но ничего не сказал. Заметив это доверительное движение, Шепелев заинтересовался.

– Мы с тобой поговорим, Кюкюр, – миролюбиво сказал он, заглушая возбужденные голоса гостей, – и станцуем!

– Не о чем мне с тобой говорить, – с упрямой непримиримостью пробубнил Кюкюр и махнул рукой. – У меня есть зять, вот с ним я и буду отныне говорить, – резко закончил он.

– Не прав ты, Кюкюр, – с вкрадчивой улыбочкой заметил Семен Никанорович, – ежели тебе чего не нравится, так и скажи! Угощения мало, пошла? Ну, говори!

– Не хочу, – капризно ответил Кюкюр, поднимая рюмку, – но за подарок тебе спасибо.

– Не стоит благодарности, – с выражением ложной скромности на лоснящемся от съеденного и выпитого лице сказал Шепелев. – Друзья, – обратился он к присутствующим, – давайте еще раз выпьем и – в пляс!

Вскоре легкая музыка, лениво льющаяся из динамиков, сменилась дурашливо-радостной попсой. Никто из пьяных гостей не вслушивался в однообразный повтор нескольких слов, составляющих так называемое содержание песни. Заскрипели, загремели стулья, и люди направились к просторной танцплощадке.

– Не пригласил музыкантов, – разочарованно посмотрел на толпу Кюкюр, – я бы попросил их исполнить дэгрэн ырыа, ты ведь этого хотела, – с рассеянной улыбкой взглянул он на дочь.

Ирина звала Егора танцевать. Он отрицательно качал головой.

– Нет, я так не могу.

Наконец Егор встал и отправился вслед за Ириной в гущу танцующих. Кюкюр отрешенно смотрел на бутылку водки, поблескивающую в полумраке.

– Ну как с тобой прикажешь быть? – принялась увещевать его жена. – Что на тебя нашло?

– Ты же сама говорила, что Никанорыч на вас наживается...

– Говорила, – раздраженно выдохнула Надежда Петровна, – но это не значит, что за праздничным столом надо высказывать это ему в лицо.

– Алмазы в кастрюлях носила, ни одного камушка себе не взяла, – ритмично, словно исполнял «Олонхо», качал головой Кюкюр, – а он...

– Ну ладно, – встрепелась Надежда Петровна, – нам домой пора!

Таныгин медленно поднялся со стула и пошел на танцплощадку.

– Ты куда? – вскочила вслед за ним жена.

Она попыталась удержать его, но он решительным движением высвободил руку. Найдя Егора, Кюкюр пристроился танцевать рядом с ним и дочерью.

– Папа? – удивилась Ирина.

– Пойдем, – махнул рукой Егору Таныгин, – выпьем.

Егор кивнул и, протиснувшись сквозь толпу дергающихся в танце людей, они вышли к столу. Егор уже хотел занять свое место, но Таныгин, заговорщически подмигнув, взял початую бутылку, рассовал рюмки по карманам своего мешковатого пиджака и направился к гардеробной. Егор молча следовал за ним. Надежда Петровна, искавшая мужа на танцплощадке, решила подождать его за столом. Кюкюр с Егором опередили ее, выйдя в коридор незамеченными.

Ресторан занимал половину помещения дворца культуры. Места было хоть отбавляй. Не доходя до гардероба, Кюкюр и Егор расположились на обитой искусственной кожей кушетке возле высокой бархатной занавеси, за которой простирался еще один зал, тот, который нынче использовался как вместилище игровых автоматов, торговых палаток и букмекерской конторы.

– Здесь нам никто не помешает, – удовлетворенно констатировал Таныгин.

– Мы могли бы поговорить дома, – резонно заметил Егор, усаживаясь на кушетку.

– Слишком много ушей, – глаза Кюкюра превратились в две хитрые щелочки.

Он деловито достал из карманов рюмки, наполнил их водкой и протянул одну Егору.

– За что пьем? – весело спросил тот.

– Сначала выпьем, потом узнаешь, – загадочно усмехнулся Кюкюр.

Егор удивленно пожал плечами, но сделал так, как говорил Кюкюр. Таныгин выпил водку, и его узкие глаза повлажнели. Егор заметил какое-то дуновение из-под занавески. На них пахло гулкой глубиной торгового зала.

– Надо дверь прикрыть, – сказал Егор, но в тот же момент все смолкло, словно дверь закрылась автоматически.

– Слушай, – нетерпеливо хлопнул по руке Егора Кюкюр, – это старая история. Для начала еще выпьем.

Протестовать было бесполезно. Да и само пребывание здесь, на кушетке, казалось Егору бессмысленным. Вернее, смысл этих посиделок ограничивался возможностью потрафить детскому тщеславию якута. Кюкюр был Егору симпатичен, и возникшая у молодого человека симпатия заставляла его покорно сносить причуды будущего тестя. Егор ждал чего-то вроде дзыэртии ырыа, но был приятно удивлен, когда якут, опрокинув вторую рюмку, заговорил прозой.

– Знаешь Мирный? – для начала спросил Кюкюр.

Егор мотнул головой, мол, да.

– Так вот, когда-то... – он горестно вздохнул, повертел в руках пустую рюмку и только потом продолжил: – А точнее, в шестьдесят третьем году был такой случай...

И Кюкюр рассказал свою историю, полную странных совпадений и настоящего трагизма. Повествование якута то и дело прерывалось распитием водки. Егор и Кюкюр так увлеклись,

что не заметили, как под конец рассказа на них снова пахнуло сквозняком из-за занавеса. Не услышали они и тонкого скрипа затворенной двери. Эти дуновения и звуки словно запутались в тяжелых складках занавеса.

Глава 4

Словно взятый в кольцо тремя реками – Леной, Вилюем и Нижней Тунгуской, форпост алмазодобывающей промышленности и стройиндустрии, Мирный, расположен в зоне средне-таежных лесов. Преобладающая здесь лиственница Гмелина соседствует с аянской елью, кедром и пихтой. Севернее Вилюя проходит граница северотаежных и среднетаежных лесов. На территории шириной в сто пятьдесят – двести километров происходит смешение растительности двух поясов. Ель сибирская снисходительно взирает на березу, иву красивую и багульник. Береза не теряется и смело занимает участки из-под выгоревшего леса, демонстрируя великолепную приспособляемость и нелюбовь к пустому пространству. Ближе к Вилюю теснится ольховый кустарник. Зеленые и сфагновые мхи одевают землю, ковровыми подушками выступая из-под нижнего древесного яруса.

Южнее Вилюя царствует лиственница. Кедровый стланик и береза занимают нижний ярус. Здесь же, хранимые кронами хвойных деревьев, толпятся всевозможные кустарники, стелются травы. Подрагивают синевато-пурпурные ягоды брусники и ежевики.

Пойма Вилюя изобилует озерами и болотами. В озера превратились отделившиеся от реки рукава и участки старого русла. Высохшие или полувysохшие озера образовали в пойме углубления – аласы. В большинстве случаев они заняты лугами или отведены под пастбищные угодья.

Разлив Вилюя приходится на летние месяцы. Надолго скованный льдами, Вилюй, точно вырвавшийся на свободу узник, бурно и по-варварски отдается паводку. Река затопляет низменности, луга, поселки.

Болота средней полосы однородны, в отличие от тундровых. Их берега оккупированы осокой ситничковой, пушицей узколистной, березой тощей, ивой черничной, кассандрой перилецничковой. Сфагновые и гипновые мхи зеленовато-бурым бархатом устилают разбросанные тут и там островки.

Опытный охотник Лйаал, знающий окрестную тайгу как свои пять пальцев, огибает на своей волокуше одно из таких цепких и хитрых болот. Лошадь ступает уверенно и спокойно. Лйаал по своему обыкновению поет, вернее, стонет. А то вдруг начинает протяжно и дребезжаще выть. А потом заливается птичьим щебетом, подражая то жаворонку, то крачке. Его сын, десятилетний Кюкюр, рассеянно прислушивается к песне. Он уже знает ее наизусть, а речь в ней идет о жестокой схватке древних богатырей с мамонтами. Заметив следы рыси, мальчик радостно вскрикивает и показывает отцу на осторожные, но четкие отпечатки – след в след. Лйаал улыбчиво кивает и взмахивает рукой. Его жест как стрела пронзает заросли осоки, березы и летит в глубь тайги. Туда, где высоко над землей смыкают кроны лиственницы и ели.

Идти за рысью он не намерен. Он зевает, впереди еще более тридцати километров пути. Справа доносится мерный промышленный гул. Идет разработка кимберлитовой трубки «Мир». Недалеко расположен рабочий поселок, которому пророчат будущее оживленного города. Но якут знает, что особого оживления в сердце тайги быть не может. Предприятия и фабрики навсегда останутся ничтожными островками посреди этого гигантского края. И Лйаала охватывает гордость, таящаяся обычно под вялой покорностью судьбе.

На своей волокуше он едет сквозь тайгу, пренебрегая идущей рядом дорогой. Повозка, этакий плот из натянутых на жерди оленьих шкур, хорошо скользит по траве, но не пригодна к путешествию по грунту.

Под короткой меховой курткой лежит двустволка. Никак нельзя знать, на кого нарвешься. Лйаал раньше брал двустволку, готовясь к охоте или отражению хищников, теперь в его лесах завелся другой опасный зверь – человек. Лйаал привык к его присутствию, но в этом сосуществовании ему всегда чудится опасность. И это при том, что Лйаал миролюбив и

гостеприимен. И это несмотря на то, что русские переселенцы из ссыльных еще с семнадцатого века начали развивать в этих краях земледелие и прививать местным жителям сельскохозяйственные навыки.

Многие в деревне бросили охоту – старый промысел якутов. Еще только селясь по течению Лены, Вилюя, Олекмы и Алдана, его предки занимались исключительно охотой и рыболовством. Северные соседи разводили оленей.

Нынче же жители его деревни, состоявшей из семи домов, разводят лошадей и скот. Некоторые на своих сельхозучастках выращивают овощи, преимущественно картофель.

Амма, жена его, тоже подрядилась на это дело. Он ее не ругает, но и не одобряет.

Кюкюр зябко поежился. Лйаал, заметив краем глаза это движение, потянулся за курткой. Мальчик сам схватил куртку и набросил на плечи. Лето в этих краях нежаркое и короткое. Самое большее – плюс пятнадцать. Четыре дня из семи пасмурно, десять дней из тридцати – туманно.

У болота роится хищная мошкара.

Волокуша сворачивает прочь от болота, все глубже проваливаясь в зеленый сумрак тайги.

Сестра щедро напоила и накормила гостей, приказала мужу сгрузить на повозку Лйаала большой шмат оленины. Лйаал преподнес ей шкатулку из бересты, а ее мужу – расшитый чепрак. К этим сугубо эстетическим предметам он присовокупил подстреленную по дороге куропатку.

Лйаал все глубже увязал в дремотном покое. Его острый глаз не гнался за следом лося или косули, его чуткий слух оставлял без внимания треск ветки и уханье филина.

Но вдруг он резко вынырнул из вод забвения. Дремота рассыпалась сухой берестой.

Он тревожно посмотрел на сына.

– Слышал?

Вопрос был излишним, потому что Кюкюр, затаив дыхание, прислушивался к дальней дали, спрятанной за верхушками лиственниц и кедров. Сухой громкий звук повторился. Ни упавшее дерево, ни какое-либо животное не могло издать его. И словно в подтверждение догадки Лйаала грянула череда подобных звуков. Лавина выстрелов захлестнула на мгновение тайгу и, точно брызги водопада, рассеялась в ее сонной густоте.

Выстрелы доносились справа.

– Охотники? – спросил Кюкюр.

– Может быть. – Лйаал напрягал слух, но больше ничего не слышал.

Сам он намеревался обогнуть кимберлитовую трубку «Мир», как можно дальше отклонившись от нее. Лйаал не терпел людской суеты и шумихи. Выстрелы его насторожили. Это, конечно, могли быть охотники. Но кому могло прийти в голову охотиться неподалеку от котлована? По-звериному чуткое ухо Лйаала не просто определило характер звуков (он понял, что выстрелы боевые, но не стал говорить об этом сыну), но и примерное расстояние, с которого они доносились.

* * *

Оставив Кюкюра на волокуше за кустарником, Лйаал, движимый детским любопытством, выглянул из-за ствола ели. И тут ему в уши прыгнули два – один за другим – выстрела. Он вздрогнул и снова спрятался за ель. Раздвинув руками ее нижние ветки, он увидел на неширокой дороге «ГАЗ-66» с будкой, обитой листовым железом. На подходе к дороге, в кустах и рядом с машиной, лежали убитые. Всех их было человек пятнадцать. Лйаал не стал считать. Обагранные кровью гимнастерки одних заставляли думать, что это военные, скорее всего, конвой. Другие люди, одетые в ветровки, старые бушлаты и телогрейки, походили отчасти на заключенных. Одежда последних все же была весьма разношерстной, стрижка тоже не отлича-

лась эковским стандартом. Это навело Лйаала на мысль, что это либо взбунтовавшиеся рабочие с комбината, либо бандиты. Рядом с телами валялись обрезы и двустволки.

Лйаал высунул голову из-за ствола дерева. Потом выступил из тени и огляделся. Ни одного живого.

– Э-эй, – несмело позвал он.

В ответ ему ударила сквозная таежная тишина. Лйаал шагнул к дороге.

– Товарищ, – наклонился он к старшему лейтенанту, замершему в неестественной позе на обочине.

Рядом с офицером валялся автомат. Лйаал с жестоким любопытством дикаря смотрел в распахнутые глаза старшего лейтенанта.

– Стой, аксакал, – услышал он вдруг резкий хриплый голос и, вздрогнув, обернулся.

Из кустов выполз одетый в телогрейку, плюгавый мужик. Он зажимал бок одной рукой, а в другой держал «наган», направленный на якута.

– Ты мне послан богом, – улыбнулся он беззубым ртом.

Лйаал встревожился. Чуть поодаль его ждал Кюкюр на волокуше.

– Ну чего уставился, – скривился не то от боли, не то от презрения мужик, – жить хочешь?

– Конечно, хочу, – обмирая внутри, но демонстрируя мужику завидное спокойствие, ответил Лйаал.

– Папа! – выскочил на поляну Кюкюр.

– А-а, – зловеще и торжествующе промычал мужик с «наганом», – значит, ты не один... И лошадь небось имеется...

Он умолк, внезапно побледнев как полотно. Его обескровленные губы слабо шевелились.

Он изловчился и, перевернувшись на спину и немного привстав, снова направил оружие на Кюкюра. И без того напуганный Кюкюр остолбенел.

– Давай, аксакал, лезь в машину... Там ящик. Спускай его сюда.

– Хорошо, хорошо. – Лйаал, подняв руки, поспешил к машине.

Он залез в будку и около минуты не появлялся. Потом спрыгнул, подтянул ящик за ручку и, взяв его на грудь, кряхтя, поставил на землю.

– Тяжелый, – вымученно улыбаясь, заметил он.

– Ага, – усмехнулся раненый мужик. – Молоток! А теперь веди сюда лошадь, – приказал он, только пацана оставь здесь, я его постерегу, чтобы ты не вздумал сдернуть.

Лйаал пожал плечами и замялся.

– Ну! – прикрикнул раздраженный его нерешительностью мужик. – Быстро, а то твоему мальцу дырки в башке не миновать!

Лйаал дернулся и побежал за волокушей. Вскоре он вышел на поляну, ведя под уздцы лошадь.

– На какой хрени ездешь, – процедил бандит. – Ставь ящик, – он слегка кивнул в сторону повозки.

Лйаал беспрекословно наклонился и, подняв ящик за один край, поволок его к повозке. Потом сел на корточки и, подняв с усилием ящик, водрузил его на волокушу. Лошадь, точно что-то почуяв, пряла ушами, а потом вдруг издала короткое ржание, обнажив верхние зубы.

– А теперь, – мужик по-прежнему держал «наган» нацеленным на мальчугана, – садись, – скомандовал он ему. – А ты, – посмотрел он на Лйаала, – помоги мне взобраться на твою хрень.

Лйаал сделал знак Кюкюру, и тот, осторожно ступая, словно любое неосторожное движение могло повлечь за собой стрельбу из «нагана», пошел к волокуше. Он смиренно уселся на нее, не отрывая глаз от отца и бандита.

– Давай быстрее, чего замер? – прохрипел мужик, зло глядя на Лйаала.

Тот поспешил к нему. Он присел, просунул руку мужику под мышки и медленно приподнял его. Бандит пытался переставлять ноги, но у него плохо это получалось. При всей своей

храбрости и ловкости, которые позволили бы Лйаалу вступить с бандитом в поединок и выхватить у него «наган», якут выказывал покорность. В ней было что-то от смирения аборигена перед властной волей белого человека.

Тем не менее бандит, стремясь избежать сопротивления, упер ствол «нагана» якуту в бок.

Наконец дотасив мужика до повозки, Лйаал помог тому взобраться на оленье шкуры, образующие ее днище. Мужик повалился, зажимая рану рукой. Сочившаяся меж пальцев кровь капала на шкуры, въедаясь в них темными пятнами.

– Поехали, – простонал бандит, тщетно пытаясь принять нужную позу.

Оторвав руку от раны, он обнял стальной ящик, как будто в нем было его спасение.

Слегка тронув поводья, Лйаал пошел рядом с волокушей. Бандит не мог сидеть прямо, все время заваливался на бок, хрипя и глухо вскрикивая от боли. Движение волокуши заставило бандита буквально взвыть.

– Ничего, – улыбнулся он белыми губами, с вожделием поглядывая на металлический ящик, лежащий рядом с ним.

Несколько метров проехали молча. Вдруг Лйаал почувствовал толчок. Он обернулся и увидел, что Кюкюр испуганно таращится на лежащего на спине бандита. «Наган» валялся рядом, на шкурах, вяло подпрыгивая. Лйаал остановил лошадь и подошел к повозке.

Он тронул мужика за плечо. Тот смотрел в небо широко открытыми глазами. Точно так же, как тот старший лейтенант, над которым склонялся у дороги Лйаал. В том, что он мертв, сомнений не оставалось. Якут принялся стаскивать бандита с волокуши. Кюкюр соскочил с повозки и стал помогать отцу. Словно действие могло избавить его от страха. Когда тело мужика с мягким шелестом скатилось на траву, Лйаал отбросил носком ноги «наган» и озадаченно посмотрел на ящик.

* * *

Ни Лйаал, ни тем более Кюкюр не могли знать, что произошло перед тем, как они вышли на поляну. А произошло нечто трагическое и непредвиденное.

Каждый месяц с комбината вывозили необработанные алмазы. Приезжала машина с конвоем, под охраной которого и производилась эта операция.

Загрузив стальной ящик с алмазами, машина выезжала за ворота предприятия. Дорога шла через тайгу. До станции было верст сорок, и обычно этот путь проделывался без особых осложнений.

Спустя час грузовик с ценным грузом в кузове подъезжал к станции. Ящик с алмазами грузили в специальный вагон, который под усиленной охраной доставлял его в кладовые Гохрана.

На этот раз получилась накладка.

Стоит заметить, как развивался район, по которому пролегал путь грузовика с алмазами.

Западная Якутия занимает Среднесибирское плоскогорье, средняя высота которого 500—700 метров. На севере это плоскогорье ограничено Северо-Сибирской низменностью, а на востоке – Центрально-Якутской равниной, усеянной неглубокими замкнутыми впадинами (аласами). Между низовьями рек Оленек и Лена протягивается кряж Чекановского. Но Оленек – это уже север Якутии, а наше действие разворачивается на западе, чуть выше шестидесятого градуса северной широты.

Когда-то, еще в семнадцатом веке, зародилась в этих краях якутская ссылка. Была эта ссылка не только наказанием, но и средством принудительного заселения холодного края. В ссылку направлялись бунтовщики, участники крестьянских восстаний, раскольники.

В Якутию были сосланы некоторые декабристы, сто сорок участников Польского восстания тысяча восемьсот шестьдесят третьего года, деятели революционного народничества,

члены «Народной воли». Около года в Вилюйском остроге содержался Чернышевский, а через пару лет после него в слободе Амга отбывал ссылку Короленко.

Начиная с девяностых годов девятнадцатого века якутская ссылка начала пополняться участниками марксистских кружков, а также сектантами и уголовниками.

К лету тысяча девятьсот семнадцатого года революция освободила основную часть политических ссыльных Якутии. Но уголовники-то остались. И время от времени этот богатый, но суровый край пополнялся новыми преступниками.

Часть из них смирилась со своей участью, но некоторые, а их оказалось не так уж мало, и там не бросили свое ремесло. Они сколачивали небольшие банды, грабившие как отдельных жителей, так и государственные предприятия.

Одна из таких банд и напала на грузовичок, везший алмазный груз.

Бандиты встретили грузовик на подъезде к станции. Как ни странно, там было местечко, как нельзя более подходящее для этой цели. Дорога выходила на поляну, со всех сторон окруженную вековой тайгой.

Первые выстрелы раздались в тот момент, когда «ГАЗ-66» выехал на поляну. Водитель и сидевший с ним в кабине сопровождающий были убиты сразу. Бандиты, которых было не меньше десятка человек, бросились к машине, но их встретил плотный автоматный огонь. Это сопровождающий ящик конвой выбрался из будки. Бандиты не ожидали такого отпора, но жажда наживы была слишком велика. Бой продолжался.

В конце концов бандиты одержали победу. Хоть их и осталось двое, они бросились к распахнутым дверям грузовика.

Ящик с алмазами был на месте. Тут-то и произошла самая большая непредвиденность. Бандиты не захотели делиться друг с другом. Даже не понимая, какое богатство попало им в руки, они затеяли ссору. Тот, что был постарше, приставил револьвер к груди своего товарища и, ни слова не говоря, спустил курок. Напарник, глядя на него полузакрытыми глазами, сделал несколько шагов назад и свалился в траву. Его убийца даже не взглянул на него. Все его внимание было направлено на стальной ящик, стоящий в глубине грузовика. Положив револьвер в машину, он закинул ногу, чтобы вскочить внутрь и завладеть невиданным богатством, но...

Его товарищ, в которого он выстрелил почти в упор, был смертельно ранен, но жизнь еще теплилась в нем. Ее хватило на то, чтобы поднять валявшееся рядом ружье, прицелиться и спустить курок.

Отдача после выстрела откинула его на землю, и, умирая, он уже был равнодушен к тому факту, что его пуля пробила напарнику ребра и застряла в груди.

Машинально этот второй бандит схватил попавший под руку револьвер и упал, зажимая рукой рану. После этого он уже не помнил и не осознавал, что делал и как очутился в кустах.

Очнувшись, он заметил на поляне якута, осматривавшего место побоища. Казалось, сам бог послал его. Раненый выбрался из кустов и направил оружие на якута.

Глава 5

Кюкюр наполнил маленькую рюмку и, не чокаясь, опрокинул ее в рот. Видно было, что рассказ дается ему нелегко. Но водка оказывает на человека странное действие. Иногда вводит в состояние ступора, иногда веселит, а иногда, что бывает гораздо чаще, развязывает язык. Снимаются какие-то барьеры, даже табу, и человек рассказывает о том, чего, может быть, не открыл бы под страшной пыткой.

* * *

Лйаал выбрал место и начал копать, помогая себе ножом. Стоя в стороне, Кюкюр с любопытством наблюдал за ним. Отец сделал могилу. На это ему понадобилось около трех часов. Солнце уже начало клониться к западу, когда он, опустив труп бандита в яму, засыпал ее. Перед тем как начать засыпать могилу землей, он еще долго стоял, переводя взгляд с ящика на труп и обратно.

Потом, что-то решив для себя, стал быстро забрасывать яму землей. Когда над поверхностью травы, окружавшей место захоронения, образовался холмик, Лйаал срезал с дерева ветку пихты и воткнул ее в вершину.

– Теперь звери не смогут достать его тело, – сказал Лйаал, закончив работу. – Он уйдет в царство мертвых, где мы с ним когда-нибудь встретимся. Тогда он не сможет сказать, что мы бросили его посреди тайги на съедение волкам.

Маленький Кюкюр испытывал какой-то трепетный страх, наблюдая за действиями отца. Его пассы напоминали шаманский ритуал, только без бубна и сжигания пахучих трав.

Новая власть, при которой родился Кюкюр, насадила свои порядки и обычаи, но ритуалы предков, несмотря на почти полувековое господство коммунистов, не ушли в прошлое. С прежней дикарской неистовостью свершались они втайне ото всех в отдаленных избах, пришедших на смену обмазанным глиной жилищам якутов.

Отец еще долго смотрел на стальной ящик, словно размышляя, как с ним поступить.

– Пока пусть будет с нами, – как бы про себя сказал Лйаал, трогая поводья.

В улус добрались уже затемно. Мать ждала их на крыльце. Мать у Кюкюра была красавица. Круглое лицо, будто полная луна, быстрые крепкие руки, горделивый стан. Кюкюр улыбнулся и подбежал к матери. Улыбнувшись, она прижала к себе его голову. Теплый запах жира и золы приятно щекотал Кюкюру ноздри.

Он вошел в дом и уже не слышал, о чем спорили мать с отцом. Плотные олени шкуры, протянутые от одной к другой балке, делили избу на несколько комнат-углов. В одном из таких углов, самых дальних и тихих, сном измученного путешествием на Землю ангела спал Кюкюр.

В другой «комнате», на куче медвежьих шкур, вытянулся Лйаал. Он отказался от позднего ужина, ограничившись крепким, круто посоленным чаем. Рядом с ковриком, на котором стояли чашки, поджав под себя ноги, сидела его жена и, осуждающе качая головой, увещевала Лйаала. Часом раньше, когда Кюкюр уже спал, он открыл при помощи зубила привезенный из тайги ящик. Минута шла за минутой, а Лйаал и Амма молча, замороженные ослепительным блеском камней, стояли перед ним, озадаченно переглядываясь.

– На эти камни можно многое выменять у русских, – наконец разжал губы Лйаал.

– Ты с ума сошел! – испугалась Амма. – Они так просто не расстанутся с ним, – кивнула она на залитый белым сиянием ящик.

Вышедший из ступора Лйаал присел на корточки и взяв один из наиболее крупных камней, прицельно взвесил его на руке.

– На такой алмаз можно несколько изб построить, – задумчиво сказал Лйаал.

Он подогнул под себя ноги и стал перебирать камни, то и дело вынимая по очереди их и поднимая двумя пальцами к свету. Даже в тусклом освещении избы алмазы полыхали неестественной слепящей чистотой.

– Отдай камни туда, где взял, – волновалась Амма, – не будет нам от них покоя.

– Да что ты понимаешь, – насмешливо поглядел на жену Лйаал, – никто не узнает о ящике.

– Я чую недоброе, – настаивала Амма, – зачем нам эти камни? У нас все есть – лошадь, корова, картошка! У нас есть изба и шкуры...

– Как была ты дикой, – продолжал рассеянно улыбаться Лйаал, – так и осталась. Я за этот ящик жизнью рисковал. И как ты себе представляешь это, как я его и кому отдам? Да меня обвинят в воровстве! Или ты не знаешь, какие у них порядки?

Узкие глаза Лйаала гневно блеснули.

– Тогда как ты будешь менять алмазы?

– Это не к спеху. – Лйаал держал в руках особенно крупный камень, карат в двести с лишним, и, таинственно мигая глазами, вглядывался в него, как в магический кристалл.

Одна из семей их деревни переселилась в Мирный. Навещая оставшуюся в деревне мать, Будамшу, приятель Лйаала, рассказывал, как ведется добыча алмазов. Начинали с экскаваторов, потом вскрыли кимберлитовую трубку и перешли к драгам с огромными, объемом в несколько изб, ковшами. Будамшу употреблял непонятные слова и обороты вроде «магнетизирование алмазоносных пород в камере», «выдача на транспортные горизонты» и так далее. Будамшу пространно повествовал о методах переработки алмазоносной породы, добытой из трубки. Вначале порода подвергается дроблению и избирательному измельчению, потом обогащается до получения концентрата на отсадочных машинах. Лйаал из всего этого понял, что люди в поте лица добывают эти алмазы.

А глядя на сверкающие перед ним камни, он дивился их красоте. Такие крупные и полновесные, такие чистые. Словно кто-то, находя их, копил, складывал один к одному...

– Убери их из дому, – роптала Амма.

– Бестолковая ты, – огрызнулся Лйаал, – не знаешь пользы своей!

– Эти камни принесут беду, – не отступала жена Лйаала, – езжай в тайгу, брось его подальше...

– Не для того я его сюда вез. – Лйаал положил алмаз в ящик и, продолжая любоваться переливчатым великолепием кристаллов, тихо-тихо запел.

Он всегда так поступал, чтобы прекратить какой-нибудь неприятный разговор. Как ширмой отгораживался песней от ругани, причитаний и слез.

По щекам Аммы при виде такого упрямства побежали две узких влажных дорожки.

– Иди спать, – раздосадованно скомандовал Лйаал. – Все равно от тебя толку нет, – грубо добавил он и сделал рукой резкий пренебрежительный жест.

* * *

– Вставай, мой богатырь, – среди ночи услышал Кюкюр тревожный голос матери.

Продрав глаза, Кюкюр недоуменно уставился на мать, стоявшую на коленях перед его постелью.

– Вставай, одевайся, – мать говорила решительным тоном, и Кюкюр понял, что спорить бесполезно.

Он поднялся и принялся натягивать одежды.

– На выпей, – мать протянула ему жестяную кружку с кумысом.

Он послушно выпил, все еще не понимая, зачем его разбудили в такое время.

– Пошли, – мать направилась к выходу и поманила его за собой.

Лошадь, запряженная в волокушу, стояла перед избой. На волокуше в свете круглой луны он заметил тот самый ящик, который они с отцом привезли из тайги.

– Это плохо, – мать показала на ящик, – ты уже большой мальчик. Нужно далеко увезти и хорошо спрятать. Пошли...

Кюкюр посмотрел на дверь, как бы спрашивая, а как же отец? Но мать приложила к губам указательный палец.

– Иди, – подтолкнула она его в спину.

– Мама, а что в ящике? – шепотом спросил он.

– Беда наша, – так же тихо ответила мать. – Иди.

Действительно, Кюкюр взрослый мальчик. Десять лет уже. Он взял поводья и, поглядев на белую луну, тронул. С ружьем в руке мать сидела на волокуше, зачарованно глядя в черный змеящийся между лиственниц прогал.

Кюкюр не стал перечить матери. Хотя чувствовал в материнской таинственности и умолчании привкус неповиновения. Правя лошадью, он то и дело взглядывал на белый круг луны. Ему казалось, что луна насмешливо улыбается, манит, зовет... Содержимое ящика больше не волновало Кюкюра. Натянутый как струна, он ловил глухие отголоски леса. Звуки ночной тайги бередили его воображение, населяя бегущими тенями волков и лис. Он дышал прохладной тьмой, зыбкой от стрекотания цикад и уханья филина. Напрягал слух и зрение и казался самому себе древним богатырем из «Олонхо», едущим на битву с мамонтом. А еще он чувствовал себя защитником матери. Да так оно и было.

Это уже потом, когда он повзрослел, Кюкюр начал задаваться вопросом: что же такое было в том злополучном ящике? А пока он ехал сквозь ночную тайгу, моргая слипавшимися глазами, и ни о чем не помышлял.

Неожиданно он задумался об отце. Что тот скажет, не обнаружив наутро ящика? Нужно спрятать ящик в таком месте, чтобы можно было при необходимости отыскать. На всякий случай.

Проехав несколько километров, они добрались до редколесья, переходящего в поляну. Вдалеке справа одиноко маячил разлапистый кедр с раздвоенным стволом. Дальше было болото, берега которого поросли осокой.

– Хватит, – Амма кивнула сыну, – копай здесь.

Она указала место под лиственницей. Но Кюкюр, проявив непослушание, покачал головой.

– Что ты задумал? – насторожилась Амма.

Кюкюр молча тронул. Они выехали на поросшую мелким кустарником поляну. Мальчик направил лошадь к раздвоенному кедру.

– Ни к чему это, – вздохнула Амма.

– Ты говорила, что я мужчина, – с достоинством произнес Кюкюр, – я хочу зарыть ящик там.

Он показал рукой на кедр.

Добравшись до дерева, он спрыгнул с повозки, взял лопату со сломанным черенком и стал копать. Но прежде чем приняться за работу, он взглянул на противоположную сторону ложбины, где на холме, освещенная луной, высилась разлапистая сосна. Он сделал несколько шагов в сторону. Теперь ствол сосны и основание раздвоенного кедра образовали прямую линию. Отсчитав по этой прямой десять шагов от кедра, Кюкюр наметил контуры ямы.

Он рыл долго и ожесточенно, обливаясь потом. Наконец яма была готова. Мальчик вернулся к волокуше, положил на шкуры лопату и, взяв поводья, повел лошадь к горке развороченной земли. Амма помогла ему столкнуть ящик в яму, и тот упал во влажную землю, гро-

мыхнув, точно жестянка с леденцами. Кюкюр закопал яму, потом вырыл ошметок земли с травой, вдавил в рыхлую почву над ямой и только потом старательно утрамбовал у корней.

Вернулись они домой, когда луна начала уже бледнеть и таять, почти опустившись к горизонту. Лйаал спал как убитый, глухо похрапывая. Амма распрягла лошадь, привязала ее к серге – резной коновязи и бесшумно вошла в избу. Кюкюр следовал за ней. Едва добравшись до постели, он провалился в высланную мхом утробу глубокого сна.

* * *

А утром в деревне был переполох. Из Мирного приехала бригада дознавателей. Их приезд стал для Лйаала сюрпризом, не просто неприятным, а страшным. Амма заваривала утренний чай, Кюкюр спал, а сам Лйаал выделывал во дворе шкуру лося, когда в деревню въехала повозка, запряженная двумя лошадьми. С нее браво соскочил худой высокий мужчина в штатском и направился в первую попавшуюся избу.

Дома в деревне стояли полукругом. Увидев незнакомцев, двое из которых были в военных мундирах с погонами старших лейтенантов, люди высыпали во двор. Стали загонять в избы расшалившихся детей. Оглушительно лаяли собаки. Коровы и лошади к этому часу уже паслись на пойменном пастбище.

У Лйаала больно кольнуло сердце. В отличие от сельчан, он поспешил в дом. Амма сидела на циновке возле невысокого, отделанного берестой столика и разливала чай. Руки у нее заметно дрожали.

– Лйаал, – обратилась она к мужу, но не успела ничего сказать.

Послышался настырный стук в дверь. И прежде чем Амма успела подняться с циновки, в дом вошли трое мужчин.

– Здравствуйте, – с хищным блеском в глазах сказал человек в штатском.

Лйаал и поднявшаяся Амма замерли на месте.

– Мы из Мирного, расследуем вчерашнее происшествие, – едва расцепляя губы, произнес мужчина в брюках и укороченном сером плаще. – Имело место похищение ящика с алмазами. У нас есть показания одного из конвоиров. Он утверждает, что ящик был захвачен якутом средних лет с мальчиком. Вы были вчера в районе Мирного?

Вместо ответа Лйаал косился на оленью шкуру, за которой в углу, прикрытый циновкой, дремал, как он думал, злополучный ящик.

«Все равно найдут, лучше признаться», – мелькнуло у него в уме.

– Да, забыл представиться, – пробормотал мужчина бесцветным голосом, – меня зовут Леонид Степанович Кривошеин.

Он поискал глазами, куда сесть, и, обнаружив только низенькую ветхую скамеечку, устроился на ней, не преминув соорудить брезгливую мину.

Амма подняла на мужа красноречивый взор. Но тот ее не понял.

– Ну так что? Вы вопрос поняли? – наседал Кривошеин.

Один из военных достал из планшетки лист бумаги и стал что-то быстро и сосредоточенно писать.

– Фамилия, – спросил он Лйаала.

– Таныгин, – как-то смущенно ответил тот.

– Имя...

Лйаал назвал свое имя.

– Где родились? – хмуро глянул на якута военный.

– Здесь, – голос Лйаала от волнения стал хриплым.

– Ну так вы были вчера у Мирного? – Кривошеин пронизал его своими стальными глазами.

Лйаал кивнул.

– Приступайте к обыску, – небрежно бросил Леонид Степанович, – и давайте сюда понятых.

Один из военных выбежал из избы и вскоре вернулся с якутом и якуткой. Это были Нюргусун и Туярыма Лччыгыя.

Лйаал подавленно и упорно молчал. Он был готов к самому худшему. Военный с планшеткой записал имена понятых. Якуты испуганно косились на дознавателей и удивленно взглядывали на Таныгиных.

– Здесь родились? – раздраженно повысил голос пишущий, обращаясь к Лйаалу.

Тот мотнул головой. Военный отложил планшетку и присоединился к своему товарищу, роющемуся в куче медвежьих шкур. За какие-то пять минут они обшарили всю избу. Кюкюр уже не спал. Он затаился в своем углу. Делавшие обыск военные бесцеремонно согнали его с постели и всю ее перетрясли. Мальчик испуганно таращился на двух плечистых, молчаливо копающихся в барахле дядек. Потом, не усидев, выбежал в «залу». Амма прижала сына к себе. Кривошеин, увидев мальчика, засветился каким-то мефистофелевским ликованием.

– Ну что? – властно спросил Кривошеин военных.

– Ничего, – развели они руками.

– Значит, у Мирного был? – теперь острие жалящего взгляда впилося в Лйаала.

Тот окончательно потерялся, недоумевая, где ящик. Он незаметно глянул на Амму, и та ему так же незаметно для других улыбнулась. Кюкюр страшился смотреть на мать, точно его взгляд мог выдать чекисту объединявшую их тайну.

– Был, – вполголоса проговорил он.

– На месте происшествия? – оживился Кривошеин. – Отвечайте.

– Какого происшествия? – изобразил непонимание Лйаал.

– Вчера было совершено дерзкое ограбление, – косясь по углам, раздраженно проговорил Кривошеин, – ограбление и убийство. Банда злоумышленников напала на конвойный отряд с целью завладеть ящиком с драгоценными камнями. В живых никого не осталось. Вернее, остался тяжело раненный охранник Яковенко. Он-то и показал на вас, заявив, что видел вас с сыном.

Эти слова, казалось, вызвали у Лйаала недоумение. Словно почувствовав фальшь этой гримасы, Кривошеин набросился на якута.

– Не думай, что можешь вот так втереть мне мозги. И не таких раскалывали! Ну, говори, где спрятал ящик?!

В глубоко посаженных глазах Кривошеина вспыхнула злоба.

Лйаал потерял дар речи, но не искусство притворяться. Он молча развел руками, втягивая при этом голову в плечи. Кривошеин пришел в бешенство.

– Где ящик? – Кривошеин встал со скамейки и нервно заходил по избе.

– Какой ящик? – осмелился спросить Лйаал.

В ответ раздался залп отборной матерщины.

– Ты мне хватит ваньку валять! – орал Кривошеин. – Видели тебя, именно тебя... Ты увез бандита... В лесу нашли могилу... Ты его убил? Из-за ящика?

– Не брал ящика... – упорно не соглашался признавать себя виновным Лйаал.

Кривошеин перешел на делано-проникновенный тон.

– Ты пойми, – не мигая, смотрел он на Лйаала, – тебе же лучше будет, если ты сознаешься! Яковенко показал на тебя, нечего хорохориться... Себе же неприятностей наживешь! Посмотри, у тебя жена, ребенок...

Кюкюр еще крепче прижался к матери. Он почувствовал напряжение материнского тела, понял, что та охвачена страхом. На самом деле, если вначале Амма хотя и тревожилась, но внутренне все же была рада, что вовремя избавилась от опасного предмета, то теперь она

поняла, что обыском дело не ограничится. Приезжие не верили Лйаалу. Мужчина в плаще прямо обвинял ее мужа в преступлении. Она переводила вопросительный взгляд с Кривошеина на его подчиненных и ждала худшего. Чутье подсказывало ей, что с их приходом ее жизнь резко изменится. Доверительный тон чекиста не мог ее обмануть, словно ее внутреннее зрение и слух утончились до такой степени, что стали воспринимать недоступные для обычного восприятия волны скрытой агрессии.

– Где ящик? – спокойно, прямо-таки по-дружески спросил Кривошеин.

– Не видал, – пожал плечами Лйаал.

Понятые переглянулись. Увидев их замешательство, Кривошеин рассвирепел.

– Тебе семьи не жалко? Вместе по лагерям пойдете! Я с тобой цацкаться не буду! Загребастал камушки и думаешь, тебе все с рук сойдет?

Он подскочил к Лйаалу, судорожно сжав кулаки. Его бледное лицо исказила злоба. Губы дергались как при тике.

– Будешь говорить, падла?!

Кривошеин схватил Таныгина за грудки. Амма невольно вскрикнула, устремившись к мужу. Кюкюр заплакал. Один из лейтенантов удержал Амму.

– Не мешайте, – процедил он, и Амма поняла, что пощады не будет.

Она уже кляла себя за то, что спрятала ящик. «Может, – наивно думала она, – если бы ящик обнаружили, допроса и всех этих неприятностей не было бы?» – Где спрятал ящик? – отрывисто произнес Кривошеин.

Лйаал беспомощно пялился на него. Он молчал, повинуюсь инстинкту самосохранения. Инстинкт говорил ему, что открывать правду не следует, тем более что он, Лйаал, всей правды не знал. Ящик исчез. Поразмышляв, якут пришел к мысли, что к этому исчезновению приложила руку его жена. Он боялся смотреть на нее, боялся показать, что ему что-то известно...

– Не брал...

– Советскую власть вздумал обманывать? – Кривошеин схватил скамейку и замахнулся на Лйаала.

Нюргусун и Туярыма отшатнулись. Туярыма уткнулась мужу лицом в плечо.

Кривошеин выпустил скамейку, и та с глухим шумом упала на пол.

– Ты – хитрый лис, – фальшиво улыбнулся он, – но в этой ситуации все против тебя. Скажи, где ящик? Это народное добро, не твое, не мое, а народное. Если все будут расхищать народное добро, тогда у нашей страны не будет сил сопротивляться буржуазному влиянию. Ты понимаешь, дурья твоя башка?

– Если бы я взял, то сказал бы, – с наивным видом сказал Лйаал.

Кривошеин опять налетел на якута.

Одной рукой он схватил его за ворот оленьей робы, другой достал из кобуры пистолет. Он крутил оружием у самого носа якута и при этом осыпал его ругательствами, перемежая их с угрозами.

– Выведу тебя в тайгу – и без суда и следствия! – орал он. – И никто мне ничего не сделает. Жизнь твоя ни черта не стоит! Ах ты, козел вонючий, жить надоело? Да о тебе, кроме твоей родни, никто не вспомнит.

Амма смотрела в пол, Кюкюр хлопал глазами. Понятые старались делать вид, что ничего не происходит.

– Им тоже не поздоровится, – не отрывая руки от ворота Лйаала, Кривошеин показал пистолетом на Амму и Кюкюра. – О них ты, сучье твое отродье, подумал?

Чекист оторвал руку от робы Лйаала, сильно толкнув его при этом. Тот отлетел к бревенчатой стене.

– Пиши, – стал диктовать он парню с планшеткой, – в семнадцать тридцать у Мирного был... ящик отдавать отказывается... Согласно показаниям сержанта Яковенко...

Лйаал не слушал. Пространство у него перед глазами пошло волнами. Голова кружилась, в горле першило. Амма нервно вздрагивала, изо всех сил прижимая к себе Кюкюра. Слова текли в ее уши расплавленным свинцом. Они зачеркивали ее размеренную жизнь, такую же незаметную и естественную, как существование травинки.

Лйаала и Амму повезли в Мирный. Оттуда они уже не вернулись. Никто из деревни не знал, в какой именно лагерь они попали. Кюкюра отдали в детский дом в Новосибирске. Он несколько раз бежал оттуда, но его всегда находили. Родителей он своих больше не видел. У него не было от них никаких вестей. И только повзрослев, он узнал, что мать и отец умерли на Колыме. Он переселился в Свердловск, устроился на завод, поступил в институт. О родителях никому не рассказывал. О ящике старался не думать, ведь вместе с воспоминанием о нем приходило на память то туманное утро, когда его навсегда разлучили с родителями.

И только спустя годы, когда боль притупилась, злополучный ящик стал вспоминаться все чаще.

Глава 6

Выслушав рассказ Кюкюра, Егор минуту сидел неподвижно.

– Но ведь этого нельзя так оставлять! – приглушенно воскликнул он.

– Я оставил, – печально произнес Кюкюр, – на этих сокровищах проклятие.

Его лицо сделалось замкнутым и даже враждебным.

– Но для чего ты мне все это рассказал?

– Старый дурак... Думал, это могло бы быть приданым моей дочери. Только не достать тех алмазов!

– Да почему? – стараясь притушить возбуждение, проговорил Егор.

Но блеск глаз выдавал его.

– С моей молочной сестрой я не поддерживаю никаких отношений. Даже не знаю, где она... Раньше жила под Нюрбой. Да и можно ли быть уверенным, что она сохранила тот клочок кожи, который должен привести к тайнику?

Таныгин скептически пожал плечами.

– Давай еще выпьем.

Егор дрожащей рукой разлил остатки водки. Они выпили.

– Такой красоты я сроду не видел, – вздохнул Кюкюр. – Жена говорит, алмаз в сто карат – огромная удача. Это почти несбыточно...

– И ты никогда не возвращался туда? – с сомнением спросил Егор.

– Не хочу новой смерти, – проникновенно и горестно ответил Кюкюр, – эти алмазы несут смерть.

– Просто так сложилось, – возразил Егор, – богатство всегда влечет за собой риск. То есть, я хочу сказать, обладание сокровищем – дело хлопотное. Но думаю, в этом случае стоит постараться! Ушам своим не верю...

Егор привык полагаться в жизни только на себя. В Свердловске у него была однокомнатная квартира, мать умерла, отца он не видел с детства – тот давным-давно переехал в Москву.

Все его имущество, за исключением скромного комплекта мебели, можно было разместить в трех чемоданах. Он все время спрашивал себя, как так получилось, что за тридцать лет своей жизни он заработал только на несколько пар белья, носков, рубашек и брюк? Были, конечно, диски и книги. Именно они сжирали основную часть его доходов. Он собрал прекрасную джаз-коллекцию: Гиллеспи, Колтрейн, Жан-Люк Понти... Покупая книги, он не обращал внимания на цену. Вернее, обращал, но только в том смысле, что беспокоился: вдруг находящейся в его распоряжении суммы не хватит на приобретение очередного тома Хемингуэя или Кортасара?

И вот он встретил Ирину. У него не было к ней пылкой страсти. Хотя ее раскосые глаза, ее олимпийское спокойствие, любовь к хорошей музыке и литературе поначалу казались ему неким мистическим сплавом качеств, вызывавшим в нем бешеное желание покорить эту таинственную полукровку. Снимавшая в Свердловске квартиру, Ирина вскоре переехала к Егору. Они прожили вместе полтора года. Он успел привыкнуть к Ирине. То, что он к ней испытывал, можно назвать нежной привязанностью. Командировка в Заполярье, длившаяся полгода, вновь пробудила былую романтическую страсть. Потом станцию закрыли, Егор был вынужден искать работу в Свердловске. Они жили на Ирину зарплату. Егор несколько недель валялся на диване, потом Ирина устроила его в охрану на фирме, где работала. Фирма вела торговый бизнес, Ирина преуспевала. Месяц назад она заняла должность коммерческого директора. Старая мебель была без сожаления отправлена на помойку. Новый телевизор, стереоустановка, комфортный диван и кресла придали берлоге Егора современный вид. А он казался себе приживалой. Глухое недовольство и чувство вины отравляли ему существование. Служба раздражала

его. Он уволился, надеясь, что Ирина уйдет от него и он таким образом сохранит остатки мужской гордости. И тут вдруг Ирине пришла в голову мысль пожениться! Чем это было вызвано? Искренним чувством или желанием подбодрить Егора, вселить в него надежду на будущее?

Раздались чьи-то торопливые шаги.

– Вот вы где!

Это была Ирина. Она с упрёком смотрела на отца и жениха. Кюкюр с Егором неохотно поднялись с кушетки. В зале, который они покинули и куда вернулись, веселье шло полным ходом. Одни пили за столом, другие плясали как одержимые. Надежда Петровна беседовала с Карагодиным. Увидев Таныгина, Захаров что-то шепнул на ухо Шепелеву. Тот кивнул и заулыбался Кюкюру. Потом повернулся к своему заму и начал что-то энергично ему внушать. Надежда Петровна прервала разговор с Карагодиным и попросила Шепелева извинить их, Таныгиных. Они собираются откланяться.

Домой Таныгины приехали за полночь. Пока Надежда Петровна ругала мужа, а тот вяло возражал ей, молодые, приняв поочередно душ, отправились в Ирину комнату. До пяти утра лукавой змейкой горела спираль обогревателя, наполняя воздух обморочным теплом. Было странно сознавать, что на улице минус тридцать. Егор деликатно уклонился от любовных ласк Ирины. И завел разговор о спрятанных алмазах, продлившийся едва ли не до рассвета.

* * *

– Дай позритель, – Яковенко-младший хотел вырвать у отца морской бинокль.

– Ой, неспроста этот фраер приехал, – качнул головой Вилен Михайлович, отдавая сыну бинокль.

– А мне кажется, он тут ни при чем, – засомневался Павел.

– Когда кажется, креститься надо, – буркнул Вилен Михайлович, почесывая свою мощную, покрытую седыми волосами грудь.

Он стоял в майке и тренировочных штанах, широко расставив ноги.

– Чего-то не поделили, – усмехнулся Павел.

– Не-ет, этот нанаец меня достал, – сплюнул Яковенко-старший.

– Брось ты, батяня, это гиблое дело, – прохрипел Павел, по-прежнему таращась в бинокль, – ни хрена мы не выиграем.

– Молчи, чтоб тебя! – ругнулся Вилен Михайлович. – Дай лучше бинокль.

– Да все уж, шторы задергивают, не хрена смотреть. – Павел опустил бинокль и сел в плюшевое кресло, скрестив ноги.

Вилен Михайлович посмотрел в бинокль, потом разочарованно опустил его и занял диван.

– Ты, батяня, ничего не добьешься, – со вздохом произнес Павел, – и меня напрасно морочишь.

– Никого я не морочу, – сердито поглядел на сына Вилен Михайлович, – я за этим чукчей всю жизнь охочусь. Или твоей жинке не надо денег?

– Надо-то надо, – нехотя согласился Павел, – только пустое это занятие, у-то-пи-я, – по складам выговорил он.

Из ванной вышла Варвара. Она была в ситцевой косынке, в халате с засученными рукавами. На ее лбу выступила испарина, она тяжело дышала, словно не белье стирала, а бегала многочасовой кросс.

– Запарилась, – она по-крестьянски вытерла лоб тыльной стороной ладони.

– Ни хрена мы не добились, – пожаловался тесть невестке, – но, чую, скоро закружится...

– Глупо, – зевнул Павел.

– Ага, – невестка присела на диван к тестю, – у тебя все глупо! А то, что я корячусь на двух работах да еще портки твои сраные стираю, – не глупо?

– Ну хватит тебе, Санта-Барбара, что ты в самом деле?

Павел щелкнул пультом. Загорелся экран телевизора.

– И ты веришь в эту сказку? – ухмыльнулся Павел, со снисходительным презрением глядя на жену.

– Мне просто, Паша, так жить надоело, – суровым контральто промолвила Варвара, – в печенки въелось...

– На Канары захотела? – усмехнулся Яковенко-младший.

– А хоть бы и туда, – с вызовом ответила Варвара. – Машинки стиральной и то нет... – плаксиво пожаловалась она.

– Надо мне нашу «Малютку» посмотреть... – вздохнул Павел.

– Да чего ее смотреть! – вскипела Варвара. – Ее ни в один ремонт не возьмут. Новую надо покупать...

– Ничего, – встрял Вилен Михайлович, – вот заполучим камушки, так не то что машинку купим – дом и несколько иномарок!

– Нет, вам еще в ту эпоху мозги парализовало, – насмешливо качнул головой Павел, – жди своих сокровищ! Ты вообще-то уверен, что это именно тот чукча, который ящик увез?

– Очень похоже, что он, – сдвинув на переносице седые кустистые брови, сказал Вилен Михайлович. – Ты запомни, – его зрачки сверкнули холодно и яростно, – это дело всей моей жизни. Вот у тебя какой смысл?

Павел выключил телевизор и, потянувшись, поднялся с кресла.

– Айда, батяня, выпьем, – миролюбиво улыбнулся он.

– Во-во, сколько с ним живу, вечно от проблем уходит, – осуждающе посмотрела на мужа Варвара.

Но Вилен Михайлович и сам хотел еще «принять на грудь», хотя время было позднее. Они вернулись на кухню, где на покрытом клетчатой клеенкой столе стояла бутылка водки и нехитрая закуска – соленые огурцы, колбаса и банка кильки в томатном соусе. Махнув три рюмки, Вилен Михайлович снова оседлал своего конька.

– Не нравится мне твой настрой, Пашка. Ежели дело с камнями выгорит, то есть я хочу сказать, если станет ясно, куда этот чукча брюлики припрятал, тебе придется поехать и забрать их раньше его. Сечешь?

– Куда ехать-то? – вскинул короткие брови Павел. – Может, они у него в банке в Якутске где-нибудь лежат.

– Какой банк, дурила! – воскликнул Вилен Михайлович. – Ты головой-то подумай: куда он их сдаст, ежели они незаконные? Как он объяснит, откуда у него такой капиталец?

– Так я читал, – выпятил от обиды губы Павел, – что люди сдают на хранение ценные вещи в банк, а банк не имеет права интересоваться, что кто сдал.

– Брехня, – опустил на стол мощный кулак Вилен Михайлович, – я за этим нанайцем всю жизнь слежу, ни в какой банк он ничего не сдавал.

– Не можешь ты с точностью знать. Ты вот говоришь, следишь, – ухмыльнулся Павел, – сидишь тут и в бинокль смотришь. И думаешь, что этого достаточно?

– Чую я, – сердито глянул на сына Вилен Михайлович, раздосадованный его недоверием.

– А если чукча твой вообще забыл о камушках? – выдвинул новую версию Павел.

– А ты бы забыл? – сощурил глаза Вилен Михайлович.

– Я бы нет, – с усмешкой ответил Павел, – но этих не поймешь. Давно это было... Ты говоришь, отца его посадили и вообще – полдеревни. Ничего не нашли... Как так может быть?

– Видать, припрятал он этот ящик, чего тут не понять? – Вилен Михайлович раздраженно тыкнул вилкой в кильку. – Самого-то его посадили, но он мог сказать сыну, куда богатство дел.

– Вилами на воде все это писано, – снова засомневался Павел.

– Я послушаю, что ты скажешь, когда окажется, что я был прав, – убежденно закончил спор Вилен Михайлович.

Он сделал лаконичный знак, мол, наливай. Выпив, Вилен Михайлович довольно крякнул и подцепил вилкой огурец.

– Я эти алмазы из-под земли достану, – сказал он, и при этом его лицо приняло такое решительное, даже злое выражение, что Павел не осмелился ему перечить.

* * *

– Эй, иди-ка сюда, – знакомый, как показалось Кюкюру, голос окликнул его, когда он, подойдя к дому, свернул к своему подъезду.

Было уже темно, и Кюкюр не рассмотрел зовущего, но все же направился к огромному черному джипу, из которого раздался голос.

Не дойдя пары шагов до машины, Кюкюр остановился, раздумывая, не ослышался ли он, так как никто не вышел ему навстречу. Он постоял некоторое время и хотел было пойти назад, но тут открылась задняя дверца джипа, и оттуда вышел высокий парень в красном пуховике с угрюмым выражением лица.

– Ну, чего встал? – просипел он простуженным голосом. – Ближе подойди.

Это был другой голос, не тот, который сначала окликнул Кюкюра, и он ему был незнаком. Таныгин в нерешительности замер на месте.

– Ты чего, замерз, что ли? – Парень шагнул ему навстречу и взял под локоть. – Разговор есть.

– Что-то я не припомню... – Таныгин попробовал было высвободить руку, но это у него не получилось: пальцы парня сжимали его локоть словно клещи.

Кюкюр сопротивлялся, но парень буквально подтащил его к машине. Ноги якута тщетно искали опоры на скользком, покрытом наледью асфальте.

Зажужжал электродвигатель, опуская переднее затемненное стекло.

– Ну чего ты упираешься? – В окне показалась голова Карагодина. – Это я тебя зову.

Вот, оказывается, кто звал его. Кюкюр виделся с Карагодиным позавчера в ресторане. Кажется, это один из помощников Шепелева. Вот только непонятно, почему этот парень не отпускает его руку?

– Садись в машину, – кивнул ему Карагодин и перевел взгляд на парня: – Владик, помоги ему.

– Но я не собираюсь никуда ехать, – попытался возразить Таныгин.

– Да садись ты. – Владик свободной рукой открыл заднюю дверку и начал заталкивать сопротивлявшегося якута в салон.

– Давай, папаша, не дергайся, – нетерпеливо повернулся к нему Карагодин, – поговорим и пойдешь домой.

– Не... хо-чу... – Таныгин уперся руками в корпус автомобиля.

Он понял, что происходит что-то не то, но сделать ничего не мог. Кричать было стыдно, а противиться Владиду он был не в силах. Ему ударили по рукам и запихнули в салон.

– Ну чего ты выдрючиваешься? – поморщился Карагодин. – Будешь себя хорошо вести, вернешься домой без опоздания.

Владик с несвойственной его комплекции прытью забрался в салон следом за Кюкюром и захлопнул за собой дверь. Он обхватил Таныгина за шею и крепко сдавил.

– Не рыпайся, убью, – просипел он Кюкюру в ухо.

Ехали недолго. Сделав несколько поворотов, джип сбавил скорость у офиса компании Шепелева, в нижнем этаже которого располагался гараж на несколько автомобилей. Остановив

машину перед воротами, водитель несколько раз надавил на клаксон. Ворота распахнулись, и джип въехал внутрь.

Отпустив Таныгина, Владик выбрался из машины. За ним вышли водитель и Карагодин. Не зная, что ему делать, Кюкюр остался в салоне, тревожно поглядывая по сторонам.

Джип стоял посреди большого помещения, в котором легко могли бы разместиться с полдюжины легковых автомобилей, но сейчас, кроме джипа, находилась только черная «Волга». Справа от ворот расположилась небольшая конторка из стекла и алюминия, дверь которой была закрыта. Рядом с ней вдоль стены до самого потолка протянулся стеллаж, на полках которого лежали автозапчасти и инструменты.

Карагодин достал из внутреннего кармана дубленки трубку сотового телефона, набрал номер и что-то негромко сказал. Водитель с Владиком о чем-то переговаривались еще с одним человеком, который, по-видимому, открыл ворота. На нем была меховая безрукавка, из-под которой выглядывали рукава клетчатой рубахи.

Кюкюр осматривал гараж, машинально отмечая про себя некоторые детали, например то, что в воротах имеется дверь. Долго, правда, ему осматриваться не пришлось. Через пару минут в гараже появился еще один человек, которого все и ждали. К удивлению Таныгина, он не вошел через дверь и не въехал через ворота, а спустился на лифте, двери которого оказались почти напротив джипа. Кюкюр сразу же узнал Шепелева. Тот был в костюме, белой рубашке и при галстуке, словно только что вышел из своего кабинета. Впрочем, так оно и было – лифт соединял кабинет начальника, расположенный на третьем этаже, с гаражом.

– Где он? – Шепелев бодрим шагом направился к Карагодину, который в свою очередь быстро пошел ему навстречу.

– В машине, – Карагодин ткнул пальцем в сторону джипа. – Достать?

– Конечно, – кивнул Шепелев, – и направился в конторку.

– Давай, быстро, – Карагодин поманил Владика, который и так все слышал.

– Пошли, папаша, – Владик заглянул в салон джипа, – шеф с тобой говорить хочет.

Решив, что лучше не сопротивляться, Таныгин вылез из машины. Он было сам направился к конторке, но Владик снова ухватил его за локоть.

– Веди себя прилично, – сказал он и закашлялся.

– Тебе бы полечиться, – заметил Кюкюр, но Владик, казалось, не слышал его.

– Вперед, – он подтолкнул Таныгина в спину, и тот очутился внутри конторки.

Это было небольшое помещение примерно три на четыре метра, в котором стоял стол и несколько стульев. Вдоль длинной стены находилось что-то вроде топчана, покрытого медвежьей шкурой. За столом, закинув ногу на ногу, сидел Шепелев, выбивая кончиками пальцев на крышке стола барабанную дробь. От показной радости, светившейся в его глазах во время званого вечера, не осталось и следа.

– Садись, – он показал рукой на свободный стул.

Таныгин медленно опустился на сиденье, поглядывая то на Шепелева, то на Карагодина, то на верзилу.

Шепелев сделал знак одними пальцами, означавший, что его нужно оставить наедине с гостем. Карагодин тут же подхватился и кивнул Владиду. Они вышли из конторки.

– Ну что же ты, аксакал? – Шепелев вздохнул так, как будто не отдыхал несколько месяцев, и провел ладонью по лицу сверху вниз.

Таныгин молчал, не понимая, чем он обязан такой встрече. Хотя... Конечно, понимал. Кто-то из людей Шепелева услышал на вечеринке, как он рассказывал своему будущему зятю об алмазах. Эти проклятые алмазы. Блестящие, очень твердые камни. Самые твердые на земле. Одни из самых дорогих. Бриллиант, ограненный алмаз, стоит на мировом рынке больше двух тысяч долларов за карат. Об этом в Якутии знали почти все. Знали с тех самых пор, когда в начале пятидесятых начали промышленную их добычу.

Зачем он, хранивший тайну почти сорок лет, вдруг рассказал о спрятанном ящике с несколькими килограммами алмазов? Сейчас он и не смог бы ответить на этот вопрос. Наверное, захотел сделать свою дочь счастливой. Но разве могут камни сделать кого-то счастливым? Он вспомнил, что из-за этого проклятого ящика забрали отца и мать, а его самого отправили в интернат, по малолетству. Родителей своих он так больше и не увидел. Даже не знал, что с ними случилось. Когда вернулся на родину, уже совершеннолетним, никто о них ничего не знал.

Эти мысли промелькнули в голове Кюкюра за одно мгновение. Пока он молча смотрел на Шепелева.

– Ну что, аксакал, – помолчав, спросил тот, – так и будем молчать?

Изъеденное оспинами лицо Шепелева сильно покраснелось. Почти так же как на вечеринке в ресторане «Алдан». Он ослабил узел галстука, словно ему было трудно дышать, и расстегнул ворот сорочки.

– Давай, Кюкюр, – снова вздохнул Семен Никанорович, – говори, где камни, и расстаемся с миром.

– Какие камни? – широкоскулое лицо Кюкюра изображало полнейшее непонимание.

– Не вешай мне лапшу, якут! – Шепелев с силой хлопнул ладонью по столу. – Я тебя за яйца подвешу и буду трясти, пока ты мне все не выложишь!

– Я говорил в ресторане, да, – кивнул Таныгин.

– Ага, говорил, – насторожился Шепелев, – теперь повтори еще раз.

– Это все сказка, легенда, «Олонхо», – скороговоркой произнес Кюкюр.

– Какое «Олонхо»?! – взревел Шепелев. – Ты мне мозги не пудри.

Лицо Семена Никанорыча напоминало доменную печь в действии.

– Нет никаких алмазов, Семен Никанорович, – покачал головой Таныгин, – все это предания.

– Нет, якут, алмазы есть. И ты мне все про них расскажешь. А чтобы ты начал лучше соображать, я тебе тоже кое-что скажу.

Он поудобнее устроился на стуле, поставив локоть на стол.

– Знаешь, – доверительно сообщил он, – я ведь здесь не первый год живу. И о той истории с исчезнувшими камушками, предназначавшимися для Гохрана, знаю не понаслышке. Я тогда тоже был в той банде, которая напала на конвой. Но меня в тот день оставили присматривать за хозяйством, так сказать. Наши даже не подозревали, что в машине будут солдаты, которые их всех перестреляли. Тогда мне было восемнадцать. Знаешь, каково мне было, когда я узнал, что мой отец погиб в этой перестрелке? Твои родители тоже пострадали, я знаю. Я остался здесь и дал себе клятву, что непременно отыщу эти алмазы, чего бы мне это ни стоило.

Шепелев вздохнул еще раз.

– Я ждал тебя, – продолжил Семен Никанорович, – ты вернулся. Только я тебя не признал. Столько лет уж прошло. Да ведь я тебя и не знал как следует, только по описаниям. Я ведь несколько лет спустя после перестрелки пытался кое-что выведать. Но тщетно. Все как в рот воды набрали. Скорее всего, никто и в самом деле ничего не знал. Ведь это вы с папашей спрятали ящик. И никто вас не видел.

– Нет, – Кюкюр помотал головой, – мы ничего не прятали.

– Ну, ну, Таныгин, – Шепелев оскалил зубы в ухмылке, – не надо... Когда я услышал о ящике с алмазами, сразу понял, что это ты. Тебе ведь тогда было около десяти, верно? Сейчас тебе полтинник, значит, все сходится. Я наводил о тебе справки. Спецприемник в Новосибирске, потом интернат. Государство о тебе позаботилось. Потом ты все-таки вернулся. Родина зовет. А может, алмазы, а, Кюкюр? Там же камней почти на сто миллионов. Долларов, Кюкюр. Дол-ла-ров! Знаешь, я даже готов с тобой поделиться. Сколько тебе нужно для полного счастья, а? Хочешь, я дам тебе миллион? Мало? Два, три миллиона. Это сумасшедшие деньги. Ты даже представить себе не можешь, какие это деньги. Будет на что свадьбу сыграть.

Шепелев проглотил слюну, выделившуюся от избытка чувств.

– Мы отправим камни в Антверпен, – продолжал рассуждать он, – на аукцион. Ты же знаешь, у меня есть каналы. Я все беру на себя. Ну, Кюкюр...

– Я не знаю ни про какой ящик. Это легенда.

– Ду-рак! – гаркнул Шепелев. – Какой же ты дурак! Все равно ты мне все выложишь! А нет, так я растрясую твоего будущего зятя. Ты же ему все рассказал. Подвешу вас за яйца обоих. Только тогда вы уж ничего не получите. Сдохнете у меня как бешеные волки. Ну, говори!

Он вскочил с места, подбежал к Таныгину и, схватив его за грудки, принялся ожесточенно трясти.

– Говори, сука!

– Я не зна-аю, – мотая головой как марионетка, выдавил из себя Таныгин.

– Врешь, знаешь, – бешено вращая глазами, орал Шепелев. – Коля! – Он вдруг оставил Таныгина и повернулся к двери.

В комнату ворвался Карагодин.

– Поговори с ним, – Шепелев устало опустился на стул.

– Сейчас, Семен Никанорович, – медленно развернувшись на каблуках, Карагодин очутился напротив Таныгина.

Неторопливо подняв правую руку, словно собирался что-то взять у себя за спиной, он наотмашь ударил Кюкюра по щеке. Голова якута откинулась назад, и он едва удержался на стуле. Карагодин сделал глубокий вдох, будто собирался нырнуть в воду, и, выдохнув, всадил левый кулак Таныгину в живот. У бедного якута перехватило дыхание. Он согнулся пополам, но его подкинула какая-то сила, и он снова плюхнулся на стул. Это Карагодин ударил его в голову коленом. Потеряв возможность ориентироваться, Таныгин начал медленно сползать со стула. Из рассеченной губы текла кровь. Он проглотил соленую клейкую жидкость. Кровь попала куда-то не туда. Закашлявшись, он упал на колени и его вырвало на пол.

– Он нам изгадит здесь все на хрен, – недовольно поморщился Шепелев.

– Приберемся, Семен Никанорович, – заявил Карагодин, склонившись над поверженным якутом.

– Только смотри, Коля, не убей его, – Шепелев поднялся и направился к выходу, – он мне нужен живым. И не сломай ему конечности, он должен самостоятельно передвигаться.

– Не волнуйтесь, Семен Никанорович, – кивнул начальник охраны, – не впервой. Может, его немного поморозить? Холод быстро язык развязывает.

– Еще успеем, – Шепелев отрицательно мотнул головой, – пока поработай с ним обычными методами.

Сказав это, он не оглядываясь вышел из конторки.

– Ну что, якут, – оставшись наедине с Таныгиным, Карагодин схватил его за шиворот и водрузил на стул, – не хочешь разговаривать? Где алмазы? – Он наклонил голову, стараясь заглянуть Кюкюру в глаза.

– Это сказка, – слабым голосом ответил Таныгин.

– Сказка, значит? – усмехнулся Карагодин. – А может, это ты мне сказки рассказываешь? Где ящик? Говори! – Он ухватил Таныгина цепкими пальцами за горло.

Начав задыхаться, Кюкюр попытался освободиться, но Карагодин еще сильнее сдавил его горло.

– Не брыкайся, чукча, – злобно произнес Карагодин, – лучше говори, пока еще жизнь теплится. Ну, где алмазы?

– Это старая народная легенда, – прохрипел Таныгин, когда Карагодин немного ослабил хватку.

– Замечательно, – согласился Карагодин, – расскажи мне эту легенду.

Он совсем отпустил якута и устроился на стуле, где еще недавно восседал его начальник.

Глава 7

Проводив Ирину, которой нужно было в Свердловск на работу, Родионов остался у Кюкюра. Договорились, что он выедет рано утром на автобусе, ходившем дважды в день до ближайшего рабочего поселка, в трехстах километрах от Якутска. Потом будет на перекладных добираться до Мирного. Если повезет и удастся договориться с вертолетчиками, база которых расположена в поселке, то, возможно, уже через пару дней он достигнет Мирного, от которого до улуса, где жила молочная сестра Кюкюра, не больше двухсот верст.

Егор поглядывал в верхнюю, не замерзшую часть окна, поджидая Таныгина, когда увидел «Навигатор», остановившийся перед домом якута. Кажется, на такой машине ездит Шепелев. Он еще некоторое время постоял у окна, не зажигая света, ожидая, что из джипа кто-нибудь выйдет, но дверцы машины так и не открылись.

Вернувшись к дивану, он ненадолго прилег, потом, словно почувствовал неладное, поднялся и снова подошел к окну. Освещенный дальним светом одинокого фонаря и пятнами света, падающего из окон дома, Таныгин стоял перед джипом. «Что он там делает?» – успел подумать Егор, когда из джипа выбрался верзила в красном пуховике. Кюкюр не тронулся с места. Верзила взял его под руку и, как показалось Родионову, не слишком-то вежливо потащил к машине.

Ничего не понимая, Егор прищурился. Что за дела могут быть у его будущего тестя с людьми из джипа? Он прижался лицом к холодному стеклу, но видно было все-таки плохо. Ему даже показалось, что Кюкюра заталкивают в салон. Через минуту джип тронулся с места, увозя Таныгина в неизвестном направлении.

Сперва Егор не очень-то этим озаботился. Он не знал, как здесь жили его будущие родственники, какие у них проблемы, порядки, устои. Родионов начал беспокоиться, когда Кюкюр не вернулся через пару часов. «Он же знает, что утром я должен уехать», – Егор нервно ходил по комнате.

Еще через два часа он решил, что нужно что-то предпринимать. Только что? Обратиться в милицию? И что он скажет? Взрослый человек сел в машину и вот его нет уже несколько часов. Да это же просто смешно! Никто даже пальцем не шевельнет. Вот если бы прошло несколько суток. Но у Егора не было столько времени. Он почему-то понял, что Кюкюр не вернется.

Он оделся, взял спички, складной нож, которым пользовался еще на Севере, и вышел на лестничную площадку. Запер дверь на ключ. Ночь была морозная, но безветренная. Звезды и тонкий серп молодого месяца лили на землю холодный белый свет. Снег скрипел под ногами и сверкал, словно алмазные россыпи.

У Родионова еще не было точного плана. Он не решил, что собирается предпринять, и ноги сами собой принесли его к ресторану «Алдан». Его большие витринные стекла были уже погашены, и только слабый свет дежурной лампы пробивался из-за неплотно задернутых занавесей.

Тут он вспомнил, что два дня назад они по пути в ресторан проезжали мимо офиса Шепелева и Кюкюр показал на него Егору и Ирине. Если увезший Кюкюра джип принадлежит Шепелеву, можно посмотреть, нет ли его там. До офиса было не так далеко, и через полчаса бодрой ходьбы Родионов уже стоял перед трехэтажным кирпичным зданием, фасад которого был отделан светло-серым мрамором. Света в здании не было, но Егору показалось, что решетчатая калитка в заборе, ограждавшем офис, приоткрыта.

Она слабо скрипнула и поддалась, когда он толкнул ее рукой. Полоса желтого света легла рядом с Егором и стала расширяться. От неожиданности Родионов метнулся в сторону офиса

и замер, прижавшись к стене. Свет, как он вскоре понял, лился из гаража, ворота которого сначала приоткрылись, а потом и вовсе распахнулись.

Из гаража выехала черная «Волга». Остановилась. Небольшого роста человек в меховой жилетке вышел следом за ней, обошел ее и распахнул ворота ограды. Газанув, «Волга» свернула на дорогу, быстро набрала скорость и исчезла за поворотом, оставив в воздухе тонкий прозрачный дымок из выхлопной трубы.

Мужчина закрыл решетчатые ворота, вернулся в гараж, и свет, превратившись сначала в тонкую полоску, вскоре пропал.

Выждав несколько минут, Егор отошел от стены и направился к воротам гаража. Попытался их открыть, но ворота были заперты изнутри. Заметив в воротах небольшую дверь, он потянул за металлическую ручку, и, к его удивлению и радости, она поддавалась. Не думая о том, что ожидает его за этой дверью, он быстро открыл ее и шагнул внутрь.

Первое, что он увидел, была огромная черная машина, стоявшая посреди помещения. Он узнал тот самый джип. Если не тот, то точно такой же. Здесь, в гараже, он выглядел еще более огромным, чем на улице. Как ему показалось, машина была пуста, но точно он сказать не мог, так как на ней были установлены тонированные стекла. Он быстро огляделся. Заметил в одном углу небольшую стеклянную будку, в которой кто-то был. Так ему показалось.

Если Таныгина привезли сюда, то он может находиться именно там. Не заметив никого, кто мог бы ему помешать, и стараясь держаться ближе к стене, Егор направился в ту сторону. До будки он добрался беспрепятственно. Попытался заглянуть внутрь, но стекла оказались занавешены изнутри темно-красными занавесками.

Осторожно обойдя строение сбоку, он нашел место, где занавески были немного раздвинуты. Заглянув внутрь, Егор сперва не поверил своим глазам. В центре конторки на стуле, едва с него не падая, сидел Таныгин. Его и без того узкие глаза заплыли от синяков, все лицо и пол перед стулом были в крови.

– Ну, хватит мне сказки рассказывать, – услышал Родионов, прижавшись ухом к стеклу конторки, – я уже от тебя устал.

Карагодин поднялся со стула, и Родионов присел, чтобы тот его не заметил.

Выждав несколько секунд, Егор снова приподнялся и заглянул внутрь.

– Все равно ты мне все расскажешь, якут, – вяло произнес Карагодин, – тебе ничего больше не остается. Если не расскажешь, сдохнешь, как собака. Скажи, где алмазы, – голос Карагодина неожиданно стал вкрадчивым и мягким, как мох, – и обеспечишь себя и свою семью на всю жизнь. Ну, говори, чего молчишь?

– Ничего не знаю, – голова Таныгина мотнулась словно ветка дерева, с которой вспорхнула птица.

– Врешь, сука, – Карагодин говорил без злобы, – все ты знаешь. Куда пропал ящик с алмазами? Из твоих родителей органы не смогли ничего вытрясти. Они и сдохли. Ты тоже сдохнешь. Ты хочешь сдохнуть?

– Нет, – мотнул головой Таныгин.

– Хорошо, молодец! – похвалил Карагодин. – Значит, будешь говорить?

– Да, – голова Таныгина упала ему на грудь.

– Вот и умница, – Карагодин усмехнулся. – Говори.

– Ничего не знаю, – пробормотал якут.

– Сволочь! – Карагодин наотмашь ударил его по щеке. – Врешь, скотина! Я из тебя дурь выбью! Знаешь, что я с тобой сделаю? Буду отрезать тебе по одному пальцу за каждый неправильный ответ. Без пальцев жить плохо, Таныгин. Представь себе, что у тебя нет ни одного пальца... Сущая мука. Ни тебе спичку зажечь, ни жену погладить. Да и не нужен ты будешь жене без пальцев. Вся жизнь пойдет наперекосяк. И это если ты вообще останешься в живых... Знаешь ведь, как это бывает... Не по злобе, а так... случайно.

Карагодин достал из ящика стола здоровенный тесак, схватил Таныгина за руку и при-
ткнул ее к столу. Таныгин вскрикнув, подался на него, едва не свалившись со стула.

– Сиди, сука! – Карагодин прижал его руку к столу и, оттопырив мизинец, замахнулся
тесаком.

– Вопрос первый, – медленно произнес он, – ты спрятал ящик с алмазами?

– Нет, – чуть слышно произнес Таныгин.

– Ответ неправильный. – Карагодин слегка приподнял тесак, чтобы опустить его на палец
Кюкюра.

– Стой, – крикнул Егор, забарабанив в стекло.

– Не понял, – Карагодин остановился и тесак опустил.

Родионов, не думая больше о своей безопасности, рванул было к двери, ведущей в кон-
торку, но почувствовал у своего виска холод металла.

– Это ты стой, – услышал он откуда-то сверху сиплый баритон.

Сильная рука схватила его руку и вывернула за спину.

– И чего же ты здесь делаешь?

– Я... – он слегка развернулся, и его голова уткнулась в красную куртку.

– Стоять, гаденыш! – Парень с силой приподнял его руку, отчего Родионов вскрикнул.

– Не нравится, – нагло усмехнулся здоровяк, – а ты не дергайся.

Он снова ткнул стволом пистолета в голову Егора и подтолкнул в спину.

– Иди.

Парень без церемоний затолкал его в конторку.

– Тю, тю, тю, – Карагодин расплылся в улыбке, – какие люди! Как говорится, на ловца и
зверь бежит. Ну, присаживайся. Владик, устрой нашего нового гостя.

Владик выдвинул ногой из-под стола стул и толкнул на него Егора. Сам отошел к стене
и, держа Егора на мушке, прислонился к косяку.

– Знаешь, о чем мы здесь разговариваем? – Карагодин тоже присел. – Об алмазах. Нужно
делиться, а твой будущий родственник пытается утаить от нас, где он их запрятал. Там много
каменей. Несколько килограммов. Это целое состояние. Несколько состояний. Всем хватит.

Он говорил отрывистыми фразами, словно пытался придать им больше весу.

– Тебе ведь он все рассказал, – хитро улыбнулся он. – Если скажешь нам – получишь
столько, что хватит и тебе, и твоим внукам. Ты ведь, кажется, собрался жениться? Вот и поду-
май о том, на что будет жить твоя семья. Зачем тебе одному столько? Ведь у человека только
одна жизнь... Ты не сможешь сам все потратить. Обещаю, что отдам тебе столько, что ты нико-
гда не задумаешься о том, на что тебе жить. Ты только представь, что это значит: никогда не
думать о хлебе насущном. Не вставать утром с мыслью о том, что нужно идти на работу, как
это делает быдло. Ты сможешь нанять себе прислугу, которая будет ловить каждое твое слово
и ждать от тебя подачки. Тебе будут подавать тапки, виски или что ты там пьешь? Сигары из
Гаваны. Устрицы из Лозанны. Английские башмаки. Костюмы от Версаче.

– Не люблю Версаче, – почему-то сказал Родионов.

– Да? – удивился Карагодин. – Хорошо, тогда от... – он на несколько секунд задумался и
посмотрел на Владика. – Кто там еще у нас шьет? Ну, да это неважно, – он снова посмотрел
на Родионова. – Чего ты хочешь? Все заграбастать себе? Это не по-людски. Куда ты все это
денешь, ну? Давай, выкладывай, где припрятаны камушки. Я тебе обещаю, что поделюсь с
тобой по-честному.

– По-честному – это как? – поднял глаза Родионов. – По понятиям?

– Чего ты остришь, остроумец? – неприязненно, но все еще сохраняя остатки спокой-
ствия, произнес Карагодин. – Посмотри, на кого похож этот якут. Глаза бы мои не глядели. И
все из-за жадности. Обуяла жадность. Сорок лет, блин, хранил секрет, а тут на тебе. Ладно уж,
я понимаю, проговорился. Но уж раз сказал «А», говори и «Б». Так я понимаю. Эй, якут, –

он посмотрел на Таныгина, – будешь говорить? Не хочет, – Карагодин снова перевел взгляд на Родионова. – Очень упрямый. Как осел. Ты, я надеюсь, будешь сговорчивей. Ты же образованный человек. Должен понимать, что и из-за меньшего люди друг друга убивают. Из-за куска хлеба... А здесь, блин, и хлеб, и масло, и икра... Давай выкладывай поскорее, мне уже спать хочется.

В комнатке повисло долгое молчание.

Родионов уставился в пол, на котором расплылось черное пятно, и не заметил, как Карагодин сделал Владiku знак. Тот шагнул к Егору и рукой, в которой сжимал пистолет, ударил его по лицу.

– Говори, блядский потрох, – заорал он.

Егор чуть не свалился со стула, но удержался. Он схватился за лицо и сумел уклониться от следующего удара Владика.

– Ах ты, гаденыш, – Владик, промахнувшись, разозлился и начал выходить из себя, – да я тебя в бараний рог согну, тварь! Он нанес еще несколько ударов, но только один достиг цели.

Владик распалился. Он поднял обе руки и намеревался садануть Егора по шее, но тот, неожиданно для верзилы, наклонился вперед и, разогнувшись, ударил его головой в живот.

Согнувшись от нестерпимой боли, Владик едва не выронил пистолет и принялся хватать ртом воздух. Схватив его за голову, Родионов поднял колено и что было сил потянул голову Владика вниз. Раздался хруст носовых хрящей.

– Епть, – едва слышно прохрипел Владик, падая на спину.

Карагодин бросился на Егора. Тот уже стоял и встретил начальника охраны прямым ударом в живот. Но Карагодина не так-то легко было свалить. За годы работы в органах он кое-чему научился. Он выдержал удар. С перекошенным от злости лицом он заработал кулаками, словно паровой молот. Кулаки мелькали перед лицом Родионова, и он едва успевал уклоняться от мощных ударов.

– А-а-ааа! – раздался вдруг отчаянный крик.

Таныгин, вскочив со своего стула, бросился на начальника охраны. Он ударился в него, сбил с ног и пролетел по направлению к двери.

– Бежим, Егор! – закричал он, метнувшись к воротам гаража.

Перепрыгнув через лежащего Владика, Таныгин ринулся к выходу. Егор – следом. Но было поздно. Пропустивший Кюкюра Карагодин с разворота ударил его ногой в живот. Егор отшатнулся и повалился на стул, на котором сидел за несколько секунд до этого. Карагодин всем телом навалился на него, схватив обеими руками за горло. Они вместе свалились на пол.

– Не уйдешь, гаденыш, – хрипел Карагодин, сжимая горло Егора.

Родионов ударил ребрами ладоней по запястьям сжимавших его рук, вьюном вывернулся из-под начальника охраны, врезал ему кулаком в бок и, воспользовавшись моментом, попытался подняться, но тут раздался выстрел. Комнатушка наполнилась пороховыми газами.

Поднявшийся было Егор так и остался стоять на одном колене. Он увидел, как Кюкюр, у самых ворот, пошатнулся и, сделав несколько шагов назад на полусогнутых ногах, свалился на пол. Он ударился затылком о бетонный пол и остался лежать без движений с раскнутыми руками.

Владик сидел на полу, продолжая держать в вытянутых руках пистолет, из ствола которого поднимался голубоватый дымок.

Егор бросился на него и ударил коленом в голову. Но у Владика голова была как чугунная наковальня. Он только немного качнулся в сторону и направил ствол пистолета на Родионова.

– Стоять, падаль! – заорал он.

Егор его не слушал. Подскочив к Таныгину, он приподнял его голову и попытался нащупать пульс на яремной впадине. Пульса не было. Пуля прошла навывлет прямо через сердце якута.

– Не стреляй, идиот! – услышал он голос Карагодина от конторки.

Окрик, как он потом понял, адресовался Владику. Но в тот момент ему было не до этого. Он стоял на коленях над поверженным телом, а его собственное тело изнывало от болезненной тоски.

Две грубых руки схватили его сзади и поставили на ноги. Он не сопротивлялся. Это был короткий миг, когда он утратил способность и желание что-либо делать. Вокруг стлался густой туман. Из него выплыл Карагодин, взял у Владика пистолет и выбросил на руку обойму. Обтер пистолет рукавицей и, перехватив за ствол, сунул в руку Родионову.

– Давай сюда, – Карагодин снова забрал пистолет и передал Владику. – Держи, придурок. Да не за рукоятку, за ствол! – гаркнул он. – С кем приходится работать?! – поморщился Карагодин. – Ты знаешь, кого ты застрелил, идиот?

– Так ведь, Николай Палыч... – Владик держал пистолет двумя пальцами, не зная, куда его пристроить.

– Ты пристрелил несколько килограммов алмазов, урод!

– Он же бежал...

– Бе-жал, – передразнил его Карагодин, – а ты лежал. Тоже нужно было бежать.

– Я в ноги целил.

– Какие, к черту, ноги, – продолжал кричать Карагодин, – ты ему в грудь попал, снайпер хренов. Чего ты ухватился за эту пушку? Найди пакет, спрячь. Это теперь улика, понимаешь? Все приходится разжевывать.

Карагодин поглядывал исподлобья на замершего как в столбняке Родионова и говорил как бы красуясь перед ним.

Владик поплелся в комнатушку.

Егор вдруг понял всю безысходность ситуации, в которую он попал. Мифические алмазы. Убитый Таныгин. Отпечатки пальцев на пистолете, из которого застрелен якут. Бандиты, которые ни перед чем не остановятся, чтобы вытрясти из него нужную информацию. А потом? Что будет после того, как он им все расскажет? У него не было ни капли сомнений, что его либо просто убьют, либо, что было более вероятным, свалят на него убийство Таныгина. Отпечатки пальцев на пистолете – это хорошая улика. Никто не будет разбираться, что у него не было ни малейшего повода убивать своего будущего родственника. Что этот пистолет не его, Родионова. Будет суд. Скорый и правый. Потом лет двадцать на зоне строгого режима. Даже этапировать далеко не придется – и так на Севере. Замечательные перспективы. А что будет с Ириной? Хорошо еще, что он успел отправить ее в Свердловск.

Он посмотрел на Кюкюра, глаза которого уставились невидящим взглядом в потолок, и вдруг словно ожил. Нет, так просто он им не дастся. Владик возится где-то в комнатке за занавесками. Скоро он вернется, тогда все будет гораздо сложнее.

– Ну что, герой, пошли, – Карагодин посмотрел на Егора и кивнул в сторону будки. – Надеюсь, ты понимаешь, что придется все выложить? Но ты не бойся, мы люди не жадные: поделимся. Вот он не хотел делиться и поплатился за это, – Карагодин скосил глаза на лежавшее у его ног тело. – Самое главное – деваться тебе некуда, вот в чем дело. Ты у нас в руках, понимаешь?

– Понимаю, – вздохнул Родионов.

– Тогда пошли, – Карагодин снова показал в сторону стеклянной будки, – будем разговор разговаривать.

– Пошли, – кивнул Егор и почти без замаха, но со всей злости врезал Карагодину по зубам.

Удар получился сильным. Начальник охраны отлетел к стене. Если бы не стена, в которую он уперся, он наверняка бы свалился на бетонный пол. Не став ждать, пока он очухается и когда

ему на помощь подоспеет этот громила – Владик, Родионов метнулся к воротам. Одним движением распахнул дверь и выскочил на улицу. Вдохнув морозный воздух, чуть не закашлялся.

– Владик, быстро, догнать! – услышал он позади себя голос Карагодина.

Не став поджидать этого орангутана, Егор перемахнул через ограду и помчался вдоль улицы. Сзади послышался топот ног и скрип снега. Он на секунду оглянулся на бегу и заметил не Владика, а того мужичка в меховой жилетке, который открывал ворота. Откуда он взялся, времени рассуждать не было, тем более что следом за ним выскочил Владик.

Некогда было раздумывать и в какую сторону бежать. Он метнулся туда, где было меньше света. Теперь он неслся, не оглядываясь. Никто не попадался ему по пути в этот поздний час, и это было ему на руку: никто не подскажет преследователям, куда он направляется. А преследователи пока еще двигались за ним. Правда, расстояние было приличным и понемногу увеличивалось, но Владик, который опередил мужика в жилетке, делал гигантские прыжки, пытаясь настигнуть Родионова.

– Стой, сука! – изредка подавал он голос.

Его дыхалка, это Егор понял, была не из самых тренированных. Поэтому шанс оторваться был. Нужно только не позволить им преследовать его на машине. А Карагодин мог уже очухаться и выехать из гаража на джипе. Чтобы отсечь такую возможность, Егор несколько раз свернул на маленькие улицы и перепрыгнул через деревянный забор. Чисто интуитивно он понимал, что пути назад нет. Он не может вернуться в квартиру Таныгина, так как там его наверняка будут ждать. У него не было знакомых, которые могли бы его приютить хоть на какое-то время. Поэтому нужно было придерживаться первоначального плана. То есть двигаться в сторону Мирного к сестре Кюкюра, у которой, как сказал Таныгин, он оставил схему, где он спрятал алмазы. Как он туда доберется? Сможет ли вообще преодолеть многие сотни километров? Об этом он пока не думал. Сейчас нужно было просто уйти от погони.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.